

**АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ**

БЕЛОРУССКИЙ НАБАТ

Враг у ворот. Фантастика ближнего боя

Александр Афанасьев

Белорусский набат

«ЭКСМО»

2015

Афанасьев А. Н.

Белорусский набат / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2015 — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя)

2020 год... За шесть лет, прошедшие с момента государственного переворота на Украине, мир не стал безопаснее. Развязанная украинскими националистами под патронатом западных спецслужб гражданская война грозит выплеснуться на территорию России. Оживилось и мировое террористическое подполье, мечтающее взять реванш за потерю Кавказа. Силловые ведомства нашей страны готовят беспрецедентные меры по борьбе с бандеровскими диверсантами и международным терроризмом. Но враг собирается нанести удар откуда не ждали. На этот раз под угрозой оказалась братская Белоруссия. Схватка Виктора Сивкова – сотрудника Временной Сводной Оперативной Группы – с коварным и вездесущим врагом продолжается...

© Афанасьев А. Н., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Украина, Львовская область. Бывшее Рясно Русское, трасса М10, дорожная развязка. 15 августа 2020 года	6
Ростов-на-Дону. Здание РКБ. 17 августа 2020 года	10
Ростов-на-Дону. Территория вертолетного завода. 17 августа 2020 года	14
Ростов-на-Дону. Территория вертолетного завода. 17 августа 2020 года. Продолжение	18
Украина, близ Киева. Аэропорт Гостомель. 11 августа 2020 года. Бандеровщина	19
Ростов-на-Дону. Территория вертолетного завода. 17 августа 2020 года	21
Далекое прошлое. Чеченская республика Ичкерия, 12 км южнее Гудермеса. Исти-су. 30 мая 1995 года	22
Ростов-на-Дону. Территория вертолетного завода. 17 августа 2020 года. Продолжение	26
Москва. Английский паб. 19 августа 2020 года	29
Москва. 19 августа 2020 года	33
Украина, Киев. 11 августа 2020 года. Бандеровщина	39
Москва, Воробьевы горы. Вечер 19 августа 2020 года	42
Зарисовки	48
Киев, Борисоглебская, 18. Здание генеральной прокуратуры Украины. 19 августа 2020 года	48
Где-то в Центральной России. 22 августа 2020 года	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Александр Афанасьев Белорусский набат

*Сестра моя, куда ты смотрела, когда восход
Встал между нами стеной?
Знала ли ты, когда ты взяла мою руку,
Что это случится со мной?*

*И ты можешь идти и вперед, и назад,
Взойти, упасть и снова взойти звездой;
Но только пепел твоих сигарет – это пепел
империй,
это может случиться с тобой...*

Аквариум

Автор предупреждает: все события и персонажи в этой книге являются вымышленными и не имеют ничего общего с действительностью. В том числе и тогда, когда они совпадают с фамилиями действующих политиков и иных лиц и названиями существующих мест и организаций. Это художественное произведение и не более того.

Пролог

Украина, Львовская область. Бывшее Рясно Русское, трасса М10, дорожная развязка. 15 августа 2020 года

- Ахмад...
- А... – зевнул чеченец.
- Не спи, замерзнешь.
- Замерзнешь? Тут тепло...
- Это шутка.

Ахмад потряс головой, потом протянул руку к термосу с крепчайшим кофе по-арабски. Сделал несколько глотков.

- Странные у вас шутки, Андрей, да... людям непонятные.
- Почему, понятные. Шутка... она и есть шутка. Дай хлебну.

Сидевший на заднем сиденье мужик лет около сорока взял термос, тоже сделал глоток. Аккуратно завернул крышку, поставил на место. Рядом с термосом, поставленный на приклад, стоял странного вида автомат, явно заказной. Коробка от спортивного «Вепря»; тяжелый, но короткий ствол длины примерно как у «АК-105», рукоять затвора дублирована на обеих сторонах ствольной коробки; на крышке ствольной коробки стальная планка Вивера и на ней – прицел типа ЭОТЕК. Магазин на 5,45, но от ручного пулемета, «вафля». Еще три таких же – в пластиковых паучерах на поясе, отчего топорщится глухая черная куртка. Еще необычное: отросток на переводчике-предохранителе, он позволяет быстро скидывать оружие с предохранителя и ставить его на автоматический огонь ребром ладони. Минус в том, что при включенном предохранителе он травмирует руку. Но на мужике были перчатки с отрезанными пальцами – американские, альпинистские, для работы с тросом, два слоя воловьей кожи в критических местах. Перчатки хороши тем, что пальцы свободны, но сама рука защищена, а толстая кожа даже частично принимает на себя отдачу.

- Ахмад.
- А?
- А ты чего за нас?

Чеченец покачал головой:

- Зачем спрашиваешь, Андрей. Дело старое... зачем ворошить.
- Мы сейчас в драку ввалимся. Какая гарантия, что ты мне в спину не выстрелишь?
- Наш народ никогда не стрелял в спину.

Русский скептически промолчал.

– ...Мой отец был бригадным генералом в первую войну. Сам Дудаев ему руку жал, орденом «Честь нации» наградил. Когда... ваши ушли, нам землю дали. Возле нашего родового села. Отец хорошо делал, торговлю наладил... он говорил, что есть время, когда надо начинать войну, и есть время, когда надо ее заканчивать. Говорил, что пусть мы победили русских – русские никуда не делись, нам с ними рядом жить. И если мы хотим жить как нормальная страна – надо отношения с соседями налаживать. Войной все время жить нельзя. Потом ваххабиты пришли в наше родное село... чеченцев мало было... арабы, пакистанцы, даже негры... Отец спросил их: «Кто вы? Где вы были, когда мы сражались? Почему вы учите нас жить?» Люди говорили – ему надо в президенты выдвигаться... все устали от войны, от беспредела. В девяносто девятом мы нашли его машину на дне ущелья. Я и мои братья. Это ваххабиты сделали...

- Понятно...

– Ничего тебе не понятно, Андрей. Двое из моих братьев во вторую войну воевали против вас, один стал шахидом. Я один сначала оставался с семьей, потом подумал, что не имею права оставаться в стороне. И пошел в милицию. Потом брата из леса вывел... он понял, что был не прав. Брат сейчас мирно живет, стройматериалами торгует. А знаешь, когда я понял, что Нохчилла¹ не нужна независимость?

– Когда?

– Девять лет назад. Когда на Востоке началось... я тогда в Ливии был, много видел. Их вождь... гордый был человек. Настоящий. А его как собаку убили. Американцы. Потому что у ливийцев нефти много – как у нас, у нохчей. Вот я и подумал: ну, будет Нохчилла, и дальше что? Вот Ливия. Была у них независимость... а там люди хорошо жили, Андрей, квартиры бесплатно давали, каких у нас с тобой нет. И что? Пришли американцы, и ничего не стало, одна война и харам. И никто слова не сказал. Будет Нохчилла – и к нам придут, да...

Чеченец помолчал и закончил:

– Но не тогда когда мы – Россия. Пока мы Россия – не придут. Никто не придет. Потому что страшно...

Наступило молчание, прерываемое только негромкой песней из проигрывателя...

Зазвенел телефон, переведенный в режим эмулятора рации. Такой не прослушаешь.

– Общая информация, всем на связь.

Зазвучали позывные, подтверждающие готовность.

– Три коробочки, идут от Львова. Цель во второй машине. Принять готовность один, работаем по подрыву.

– Принял...

Чеченец проверил свой автомат.

– Готовность один, работаем по подрыву...

Три автомашины «Шкода Октавия», внешне неприметные, без каких-либо знаков принадлежности к государственным организациям, на большой скорости шли по трассе М10 к польской границе.

Они только что выехали из Львова. Дорога была ровной, просматривалась хорошо. Сами машины были бронированными, они были переданы спецслужбам новой Украины в качестве дотации от одной из европейских спецслужб. Учитывая тот факт, что внешне машины ничем не отличались от таких же в дорожном потоке, и то, что никто не ожидает наличия брони в простой «Шкоде», перевозку можно было считать безопасной. В машинах ехали одиннадцать опытных боевиков из Львовской Нацгвардии, все – с боевым опытом на Востоке, все – с автоматическим оружием.

Но шансов у них не было никаких.

Засада ждала их на дорожной развязке между населенными пунктами Рясно² и Подрясным. Это довольно крупные села, здесь же есть приличная промзона с льготным режимом налогообложения: она работала, потому что рядом была Польша, и товар можно было продавать туда. Когда головная машина пересекла невидимый лазерный луч – оператор должен был включить его при визуальном контакте с конвоем машин, – справа ударил сильный направленный взрыв, и головную машину буквально снесло вправо...

– Подрыв!

¹ Самоназвание Чечни, дословно «земля чеченцев».

² В данный момент Рясно – русское. Переименовано в связи с сильной ненавистью к русскому и нежеланием, чтобы на карте оставалось хоть что-то русское.

«Шкода Сноуман»³, в которой они сидели, рванула вперед.

– Идут прямо!

Были разные варианты... Вообще, эта развилка была не самым удобным местом для засады, надо сказать. Просто разведке так до конца и не удалось узнать, куда повезут пленника: может, в Польшу, а может, и еще куда. Здесь они могли пройти прямо, пойти направо или налево. Наиболее вероятный вариант был – прямо, потому что при подрыве голова не слишком-то работает, давишь на газ и стараешься проскочить место засады как можно быстрее. Но могли все-таки уйти и в сторону. На этот случай были свои планы, включавшие снайперов, засадные группы и штурмовиков. Одной из таких засадных групп были они: они должны были врубаться, если оставшиеся машины пойдут прямо или вправо, то есть им в лоб.

Шестицилиндровый дизель с ощутимым ускорением бросил машину вперед, они уже заходили на отрезок дороги, ведущий с местной дороги на десятую. Справа перед низким путепроводом стоял столб дыма, они не видели, что там происходит. Но как только они вышли на выезд, то сразу увидели одну «Шкоду Октавию», пытающуюся выровняться, а затем и другую.

– Вижу слева!

Стрелок на заднем сиденье переместился влево и на скорости открыл огонь по салону третьей «Шкоды», стараясь целить по передним сиденьям. Машина теоретически держала «Калашников», но на практике пули 7Н24 с карбид-вольфрамовым сердечником прошили толстое, усиленное стекло, как копьё – лист бумаги. «Октавия» завияла, пытаясь удержаться на трассе и все более теряя управление...

– Терек, вижу тебя справа!

Вторая машина – пожилой, но прочный «Ланд Крузер» с польскими номерами – проломила придорожное ограждение и пошла вниз по склону.

– Вижу слева! – крикнул водитель.

– Терек, беру третью. Работай по второй!

– Работаю вторую!

Третья машина окончательно потеряла управляемость, вышла на встречную, к счастью, ни с кем не столкнувшись в лоб, под углом проломила заборчик у дороги и, вылетев носом на заросший травой подъем, остановилась. У второй шансов также не было, «Октавия» без брони имела шансы уйти от дизельного «Сноумана», но с броней – никаких. «Сноуман» обошел справа, длинная очередь изрешетила капот и дверь у водительского сиденья, а удар бортом отправил машину на заграждение, где она затормозила с искрами и криком сминаемого железа. Притормозил и «Сноуман», в столкновении почти не пострадавший.

– Двигаем!

Двое стрелков – русский и чеченец – выскочили из «Сноумана», опытный водитель – со скоростью пешехода – подал машину назад, чтобы она послужила передвижным щитом для стрелков. Чеченец – прикрылся моторным отсеком машины как щитом, перемещаясь вслед за внедорожником, русский – прикрывался левым задним углом машины, тоже перемещаясь вместе с ней. Использование машины в качестве прикрытия, перемещение вместе с ней с ведением огня – давно и хорошо было ими отработано.

Бандеровцы, за минуту пережившие подрыв и дорожную катастрофу, имели откровенно мало шансов что-то сделать. В салоне их было четверо, водитель был уже мертв, а двое, сидевшие слева, не могли открыть двери и выскочить, потому что машину прижало слева к дорожному ограждению. Относительную свободу действий имел только тот, кто сидел справа – сзади,

³ В настоящее время только готовится к производству – это «Фольксваген Туарег» под чешской маркой. В описанный период был крайне популярен в России и странах СНГ, так как при отличном качестве и потребительских свойствах стоил дешевле «Туарега».

но и он потерял время, пытаясь выскочить из машины, хотя надо было вести огонь прямо из салона, прикрываясь бронированной дверью и мертвым водителем впереди...

Он же потратил время на то, чтобы выскочить, и, как только его нога ступила на асфальт, по ней ударили сразу две пули. Потеряв опору, он вывалился из машины и получил еще несколько, сразу скончавшись.

Чеченец открыл огонь одиночными по левой стороне искореженной «Шкоды», стараясь обезвредить тех, кто в салоне. Стекло выдержало два попадания пуль под углом, а третье не выдержало: сидевший впереди был убит, а тот, что сидел сзади, был ранен. Именно он выдернул чеку гранаты, понимая, что все...

– Слава Украине!

Ударная волна благодаря броне практически вся осталась в салоне, только осколками и давлением выбило и так сильно поврежденное лобовое стекло. Оно вывалилось на капот, развалившись на две части, из салона пошел дым...

– Слева чисто! Делай!

– Справа чисто!

Внедорожник остановился, Андрей, держа автомат одной рукой, перебежал к «Шкоде». Сзади правая дверь была открыта, одного взгляда было достаточно – в салоне месиво.

– В салоне чисто! Пошел!

Чеченец перебежал на место русского, справа – сзади их внедорожника; русский переместился в корму «Шкоды», попытался открыть багажник. Тот не открывался. Машин на трассе, идущих в их сторону, не было; идущие навстречу, видя происходящее, увеличивали скорость, не зная, что там впереди – такая же бойня. Вмешаться никто и не пытался.

– Резак!

В этот момент рядом остановился «Ланд Круизер», идущий от путепровода, из него выскочили двое: один с ручным пулеметом, другой с портативным резак – болгаркой.

– Как?!

– По нулям!

Это значит, что в третьей машине объекта не было.

Стрелки заняли позиции прикрытия, от бешено вращающегося круга полетели искры. Багажник был разделан минуты за две, даже меньше: там лежал человек, заросший бородой, в грязном, рваном камуфляже. Из ушей текла кровь. Вонь перекрывала даже запах взрывчатки и горелой обивки.

– Плюс!

Освобождение этого человека живым не было обязательным условием миссии, но, как им сказали авторитетные люди в Ростове, – крайне желательным. Вообще, происходившее происходило не первый раз и не второй: такие засады и налеты на дорогах Украины были часты и происходили в ответ на бандгруппы и стрельбу на дорогах в приграничной полосе России. Отморозки из Правого сектора, Самообороны, УНА-УНСО и других многочисленных организаций, обезумев от ненависти к России, шли мстить; они пытались устраивать террор на дорогах, теракты в городах, покушения на политических деятелей уровня губернатора, мэра или начальника ГУВД или УФСБ. В ответ – налеты и засады происходили уже в Украине: по зданию Правого сектора или УНА-УНСО могли выстрелить из «Шмеля», выехав на дело даже большой группой, можно было не вернуться. Это было наказание – в ответ на каждую акцию в России следовали одна или две акции в Украине, всегда кровавые, ни одна сторона даже не пыталась брать пленных. Такие акции следовали сразу после очередных событий в России – наказываемый должен был понимать, за что его наказывают. Вот только ненависть вызывала еще большую ненависть, кровавый след тянулся из прошлого, из холодного лета две тысячи

четырнадцатого года, когда оба братских народа, обезумев от ненависти друг к другу⁴, ринулись в драку, делая друг другу как можно больнее. Они и сейчас были близки – настолько, что по именам и фамилиям павших в этой безумной войне нельзя было понять, за кого они сражались.

Так больно могут делать друг другу только очень близкие люди...

– Давай в нашу!

– Помоги!

Человека, то ли живого, то ли мертвого, не способного держать голову на весу, перетащили в машину.

– Все! По нулям! Уходим!

– Уходим!

Чеченец бросил в расстрелянную «Шкоду» термитную шашку, прыгнул в машину уже на ходу, схватившись за руку напарника. Повернулся, чтобы держать «шесть» под прицелом своего автомата. В стремительно удаляющейся, расстрелянной, с открытыми дверями машине забилось яркое, живое пламя...

Ростов-на-Дону. Здание РКБ. 17 августа 2020 года

Август...

Почему-то это самый нелюбимый мною месяц.

Нет, дело не в том, что август по статистике самый плохой месяц для России. Наверное, это мое ощущение идет с детских лет, когда август означал, что скоро сентябрь. Скоро идти в школу.

А я не любил школу.

Нельзя сказать, что я учился плохо... я учился без напряжения, скажем так. Некоторые предметы мне удавались, так что, когда выставляли оценки в дневник (а это делали раз в месяц), «пятерки» считали по три или даже по пять, чтобы не ошибиться в их количестве. Некоторые предметы мне не давались, и я не делал ничего, чтобы подтянуть их – мне было достаточно по ним «тройки», даже с минусом. Самое удивительное, что в число нелюбимых входила информатика, если учесть, что сейчас я владею компьютером свободно. Просто когда-то запустил ее и не сделал ничего, чтобы нагнать.

Наверное, с этого и пошла моя жизненная философия: делай то, что ты умеешь, то, что тебе нравится, и не делай то, что у тебя не получается и что тебе не по душе. Надо сказать, что для армии это странная философия – там ты просто выполняешь приказы, какими бы они ни были. Возможно, поэтому в армии я и не прижился, ушел в спецслужбы. Там, кстати, тоже не слишком прижился, но меня терпели. Потому что понимали – наряду с рабочими лошадками, которые просто пашут, перелопачивают текучку, нужны мастера. Потому что настоящая разведка – это не ремесло, это искусство.

И вот в нем-то я преуспел за последние годы. Жаль только, о многом вообще никто и никогда не узнает.

Это снова я. Немного потрепанный и вроде как невыездной. Теперь моя физиономия (бывшая) красуется на сайте Интерпола с пометкой: разыскивается за убийство. Но на самом деле я никого не убивал из тех, кто не пытался убить меня. Как на вантовом мосту в Риге.

Обычно, если ты завалился, причем настолько капитально завалился – попал в руки разведки противника, подвергался допросам, – ты навсегда делался невыездным и тебя назначали

⁴ Несмотря на то что в этой войне я всецело на стороне русских, в том числе и украинских русских, я не могу не признать, что со стороны России этот конфликт точно так же подпитывался ненавистью, как и со стороны Украины. Сначала со стороны России было просто непонимание, но потом – уже ненависть.

в какое-нибудь областное УФСБ дорабатывать до пенсии. Мне, учитывая мои старые заслуги, могло грозить назначение на Кавказ – не знаю только, награда это или наказание.

Но в моем случае было принято другое решение. Частично – из интересов Игры, частично – из моих личных связей. В закрытом госпитале Минобороны мне сделали пластическую операцию, поменяв лицо. Кроме того, лазером немного поменяли отпечатки пальцев. И дали новые документы: теперь моя фамилия – Сивков, звание – подполковник государственной безопасности, на армейские деньги – генерал-майор. Спецзвания в ФСБ восстановлены два года назад, они соответствуют армейским, но опережают их на две ступени. Опережение это выражается в денежном довольствии прежде всего. Военным это, понятное дело, не нравится.

Для тех, кто пропустил самое интересное. Примерно два месяца назад на территории Украины была проведена широкомасштабная специальная операция с нанесением ракетных ударов по лагерям подготовки бандеровцев в Карпатах, а также по целям в Киеве. По оценкам аналитиков, ликвидировано до тысячи боевиков, в том числе старший командный состав, командная цепь в Западной Украине полностью дезорганизована и только начинает восстанавливаться. Западные СМИ вопят о сотнях гражданских, ставших жертвами российской агрессии. Но это вряд ли. Что можно сказать точно – при прямом попадании ракеты в здание местного офиса ЕРА, Европейского разведывательного агентства, погиб резидент. Плана убить резидента у нас не было, удар был назначен на ночное время и преследовал целью разрушить инфраструктуру, но резидент, как оказалось, любил работать по ночам и в итоге погиб. Ответом стали агрессивные действия британской контрразведки МІ6 (погибший резидент был англичанином по национальности), выславшей из страны восемнадцать наших дипломатов и задержавшей по обвинению в шпионаже двоих русских эмигрантов. Мы в ответ попросили покинуть нашу страну двадцать британских дипломатов, прекратили деятельность Британского совета и попросили в течение шести месяцев закрыть все консульства в стране. Теперь у британцев остается посольство в Москве, и все. Как мне говорил Мудрый Викинг, таких агрессивных действий он не припомнит даже во времена Холодной войны, пусть он и застал ее только на излете.

Что же касается остальных санкций, то США внесли на рассмотрение Совбез ООН вопрос о признании РФ страной, спонсирующей терроризм, но не смогли даже провести его обсуждение. Помимо этого против нас вводят пятый пакет экономических санкций, блокируют корсчета наших банков. Что для нас уже маловажно, потому что Германия, например, отказалась присоединяться уже к третьему пакету санкций. Крестовый поход против нас ведут Польша, США и Великобритания. Остальным – плевать, остальные устали от всего этого, как от слишком долгого матча, и хотят делать бизнес. Вот и все.

Сейчас я еду в машине по тихим ростовским улицам и слушаю Радио Монте-Карло. Идет деловая передача, эксперты делятся мыслями о том, как блокировка корсчетов крупнейших российских банков повлияет на простых россиян. Вроде никак не должна повлиять. Хотя черт его знает...

Лицо чешется, но я знаю, что чесать нельзя. Сдвинутся импланты, которые пока не установились на месте. Лицо я себе выбирал сам – и вместо такого «округлого» выбрал типично мужское, с квадратным подбородком. Теперь я чем-то похожу на некогда знаменитого гонщика Михаэля Шумахера.

Черт его знает, зачем такое выбрал? Но выбрал.

А вот и место моего назначения.

Высоченный корпус областной клинической больницы. Охрана на входе, причем не милицейская, – бронированный «Тигр» внутренних войск. Бандеровцы уже пытались напасть на эту больницу.

Меня тут уже знают. Забираю букет из машины – тридцать три розы, не знаю почему, но люблю это число. Иду к больнице...

Не так как-то все. А как правильно – ни хрена не знаю. Так что пусть все будет так, как есть...

– Красивые...

Я ничего не отвечаю, потому что не знаю, что отвечать. Она пристально смотрит на меня.

– Знаешь, я не могу привыкнуть к твоему новому лицу.

– Я тоже, – невесело усмехаюсь я.

– Я серьезно.

– Тебе нравилось мое прежнее лицо? Мне – нет.

– А мне нравилось.

– Почему?

Она молчит перед тем, как ответить.

– Ты думаешь, что главное – квадратная челюсть и минимум интеллекта в глазах? Твое лицо я увидела, когда ты первым вошел в фургон. Ты сказал, что надо выбираться, – и я поняла, что все будет.

...

– Они хотели утопить меня. Сказали: мы утопим тебя, как раньше топили ведьм. Ты – ведьма.

Что тут сказать? Как-то раньше я не воспринимал НИ ОДНОГО украинца как врага. В моем понимании украинцы – неудачливые, метушливые люди, которым не повезло с властями. Но всегда украинцы были для меня... да чего для меня – для всех нас – братьями. В части служили люди с украинскими фамилиями, и хоть бы кто, хоть бы раз им предъявил за это. Даже шествия с криками «Москаляку на гиляку!» воспринимались как часть того сумасшествия, в котором жила эта несчастная страна. Но не воспринимались как угроза.

А теперь украинцы – враги, и уже приходится объяснять, что этот украинец – хороший украинец, он за нас. Укрофашист – очень распространенное с недавних пор выражение. Русский народ памятный, долго копит. Одесса, Мариуполь, Донецк, Луганск, Славянск – все откладывается в памяти. И я не завидую украинцам, когда они получают счет.

– Не вспоминай это.

– Но я хочу.

Я только качаю головой.

– Зачем ты принес цветы?

– Ты знаешь...

– Я тебе не верю.

– Как хочешь...

Так мы и сидим. Потом она придвигается ко мне и начинает гладить по голове.

– Ты совсем поседел...

– Ерунда. Краску купил, покрашу. Как новенький буду.

– Зачем я тебе? Такая...

– Какая – такая?

Теперь – не отвечает она.

– Мне плевать на это. Понимаешь, плевать.

– Мне не плевать.

...

– Скажи, ты когда-нибудь любил? По-настоящему?

Вопрос, конечно, интересный. Я вспоминаю... первую девчонку со своего двора. Любил ли я ее? Да нет, наверное. Ну, кто любит в шестнадцать-семнадцать лет? Думают лишь о том, как затащить в постель. Гормоны играют.

А потом – было все, как и обычно в Системе. Во внутренних войсках было проще: увольнительная, пошел, подцепил кого-то. Как перебросили на Кавказ – уже сложнее. Там, кстати, проституток полно. Большинство – вдовы. Вдова по кавказским меркам – по меркам гордящегося своей ублюдочной честью бандподполья и радикалов – не человек вообще. С ней можно делать что угодно – вот почему многие становятся черными вдовами, а кому везет – те просто уезжают с Кавказа, оседают в каком-то захудалом русском городишке и стараются пережить кошмар. Такая проститутка может завлечь тебя в ловушку, где тебе отрежут голову. С удовольствием возьмет оплату патронами. Потом ты попадешь на крючок, а конец – всегда один. Я знал двоих, которые попались на крючок: их не судили, их застрелили на поисковой операции свои. Тот, кто продает оружие и боеприпасы врагу, – вне закона.

Потом... да как-то не до этого было потом. Если вы спросите, когда у меня последний раз была женщина, я не смогу точно ответить. Если вы спросите, как ее звали, я тоже не отвечу – просто не помню...

– Не знаю.

– Бедный...

Терпеть не могу, когда меня жалеют. Я встал.

– Не вешай нос. Я еще загляну к тебе...

У главврача в кабинете тихо, играет музыка, пахнет дорогим кофе. В приемной практикантка в белом халатике – настолько томная, что это наводит на нехорошие мысли. Но мне на нее плевать. Мне на все плевать...

Мы с главным врачом, полноватым армянином по имени Ашот Ашотович, сидим в углу, за журнальным столиком. Пьем кофе.

– ...Протезы есть совсем хорошие... – говорит он. – Вы видели на олимпиадах. Люди без двух ног даже не просто бегут – а кросс бегут. Ва-а-а...

– Я слышал, есть кое-что посложнее. Натовские биопротезы.

– Э... дорогой. Биопротезы... да. Их даже в Израиле пока не ставят. Только в Германии, в США. Это экспериментальная технология.

– И сколько она стоит?

– Нисколько.

– То есть?

Ашот Ашотович пожимает плечами:

– Санкции, дорогой. Санкции. Будь они все неладны. Совсем обезумели. Мой средний в свадебном путешествии был, в Париже, заказал по-русски, тут на него какие-то накинулись... эти... не знаю какие. Чуть до драки не дошло. Это во Франции! Там миллион армян живет, когда так к людям там относились.

– И даже за хорошие деньги?

Ашот Ашотович смотрит на меня своими глазами-маслинами. Он, кстати, хороший человек. По-настоящему.

– Э... дорогой, знаешь. Тут не в деньгах дело. Там операции в военных клиниках делают. Это ж... двадцать первый век, настоящий. Человек не просто протез получает – человек, считай, новую ногу получает. Такое дело...

– Дело всегда в деньгах.

Армянин вздыхает:

– Не всегда, дорогой, не всегда...

В том-то и дело, что всегда. Я достаю конверт, кладу на стол.

– Допустим, Россия под санкциями. А та же Армения? А?

Врач долго молчит.

– Умный ты человек, Витя-джан.

– Посмотрите... поговорите, что там и как. В США – тоже приличная диаспора армян, может, у них есть связи. Я заплачу.

Врач берет конверт.

– Ничего не обещаю, Витя-джан. Но постараюсь.

– Обещаниями сыт не будешь. Берегите себя, Ашот-джан.

– Э-э-э...

Кажется, эти санкции добрались-таки и до меня...

Выхожу. Август здесь – месяц жаркий, юг. Ростов-на-Дону – город южный, красивый, со своей историей, со своим ритмом жизни. Это один из красивейших городов России. Очаровательные дамы здесь – не отягощают себя одеждой, летом здесь обычно носят ультракороткие шорты или обрезанные почти до попы джинсы. Замечаю на себе заинтересованные взгляды, но они – с некоторого времени – не особо мне интересны. Почему? Мы в ответе за тех, кого приручили...

Мы – птицы с перебитыми крыльями...

Мы – выродки крыс.

Мы – пасынки птиц.

И каждый – на треть

Патрон.

Лежи и смотри,

Как ядерный принц

Несет свою плетъ

На трон.

Не плачь, не жалея.

Кого нам жалеть?

Ведь ты, как и я,

Сирота.

Ну что ты? Смелей!

Нам нужно лететь!

А ну, от винта!

Все! Все от винта!

– Виктор!

Я пришел в себя. В последнее время начинаю замечать за собой: задумываюсь и как будто бы отключаюсь. Не воспринимаю окружающую действительность. Это очень и очень плохо.

На меня смотрит Диман, один из оперов ВСОГ⁵. ВСОГ – это группа, к которой я прикомандирован. А Виктор – это новый оперативный псевдоним. Виктор Сивков.

– Давай за мной...

Ростов-на-Дону. Территория вертолетного завода. 17 августа 2020 года

Основной личный состав ВСОГ, а также инфраструктура обеспечения деятельности и управления экстремальными группами, работающими на Украине, были расположены здесь, на огромной (сейчас, в связи с оптимизацией производства, сама собственно производственная территория сильно подсократилась) территории Ростовского вертолетного завода. Здесь

⁵ Временная сводная оперативная группа.

же располагалось что-то вроде штабов МВД и СБУ Украины в изгнании и координационная группа, занимающаяся связями силовых структур России с боевыми организациями беженцев и бывших офицеров украинской армии.

«Тойота Камри» – их недавно получили, они теперь, как раньше черные «Волги», а за ней и мой «гелик», «Гелендваген», – подкатили к контрольно-пропускному пункту. На нем нес службу местный ОМОН, но им в усиление дали бронетранспортер и снайпера. Теперь снайпер жарился на наскоро сваренной на заводе верхотуре, омовцы несли службу в тапочках и бронжилетах на голое тело, то есть бардак. Но это не основной вход, комиссию какую-нибудь или московских гостей сюда не повезут, так что норма.

Дошло и до моей машины. Шмонали по всем правилам, попросили открыть багажник, под машину подкатили зеркало на колесиках, в багажник и салон пустили собаку. Больше всего здесь боялся заминированной машины, поэтому реакция соответствующая. Проверили и документы – несмотря на то, что я шел с сопровождением...

– Вить... – сказал я старшему.

Тот недоуменно уставился на меня.

– Не узнаешь?

– Простите...

– А Бобона ко мне устраивал – помнишь? И машину не узнал?

Тот осмотрел меня с головы до ног, потом – выпучил глаза.

– Вы...

– Ага...

– А что это с вами?

– Жизненные трудности, Витя. Жизненные трудности.

Нам места, можно сказать, что не хватило...

Мы располагались в наскоро построенном двухэтажном здании из быстровозводимых конструкций, располагавшихся на самом краю, у летного поля. Рядом был ангар, где, как в афганском Баграме, сидели люди из Командования специальных операций, там были установлены компьютеры и хранилась часть снаряжения. Но там было по крайней мере весело. У нас же летом было жарко, а зимой холодно, к тому же и пусто – большая часть из нас работает в поле, за столом сидеть времени нет.

Я здесь и вовсе почти не появлялся. Я хоть юридически являюсь сотрудником пусть и действующего резерва, на деле особого контакта с местными органами у меня нет. Это для дела так надо. Если я облажаюсь – ни органы, ни государство не забрызгает. Я вроде как свободный игрок...

Поднялись на второй этаж. На двери начальственного кабинета висела табличка: Кивалов А.В. Человек новый, прибыл из Махачкалы. По слухам, нормальный, с большим опытом.

– Разрешите?

Разрешение было получено – и я шагнул в кабинет.

Там меня ждало совсем не то, чего я ожидал. Первое – это секретный приказ по кадрам об отзыве меня из резерва и возвращении на действительную службу. При этом какой-то идиот вместо моих настоящих имени и фамилии прописал псевдоним. Но я подписал и ничего не сказал. Не надо исправлять за людьми ошибки, надо ими пользоваться...

Полковник Кивалов, сидя в кресле оловянным солдатиком, наблюдал за мной. Неестественно бледная для Ростова, незагорелая кожа лица наводила на определенные мысли, как и черные очки. Полагаю, мы не сработаемся. Слишком высокое у меня для этого звание – подполковник. И нет опыта выживания в бюрократической структуре, которой является ФСБ. И почтения к ритуалам нет. И...

– Грозный...

– Что, простите?

– Грозный, зима девяносто четвертого. Я был в составе оперативной группы, которую прикомандировали к антидудаевской оппозиции, обеспечивал ввод танков в город – еще осенью. Потом остался в городе, на нелегальном положении. Во время январских боев как раз и был ранен...

Я ничего не ответил.

– Чеченцы вытащили меня из города при отступлении, они полагали, что я – один из них. В бандах я находился до мая девяносто пятого, пытался наладить связь. Не получилось, поэтому пришлось бежать и выбираться к своим. Они лечили меня какой-то мазью на основе бараньего жира. Вот...

...

– Я так-то русский. Но родился в Грозном, знаю чеченский язык.

Я назвал город своего рождения.

– Понятно.

Здесь надо было сказать, что мы сработаемся, все такое. Но ни он, ни я об этом не сказали.

– На какую должность меня зачисляют? – в лоб спросил я.

– Старшим опером, но дело не в этом. В сущности, вас отозвали из резерва по двум причинам. Первая – вам надо ознакомиться с документом, которым отныне регламентируется наша деятельность. Там есть пункты, ознакомление с которыми – не для действующего резерва.

– Понял.

Полковник достал из ящика стола вскрытый пакет и журнал ознакомления...

Секретно

Списки № 1, № 2

Федеральная служба безопасности Российской Федерации № 551

Министерство внутренних дел Российской Федерации № 1118

Приказ от 02 июля 2020 года

В связи с резким обострением оперативной обстановки в регионах, граничащих с Украиной, наличием оперативной информации о подготовке организациями украинских националистов террористических актов на территории Российской Федерации, продолжающейся активностью спецслужб иностранных государств на этом направлении, с целью обеспечения усиленного режима охраны производственных объектов и объектов жизнеобеспечения в Смоленской, Брянской, Калужской, Орловской, Тульской, Курской, Белгородской, Воронежской, Ростовской, Волгоградской областях, Республике Крым и городах федерального значения Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, поддержания общественного порядка и обеспечения безопасности населения данных субъектов Российской Федерации, приказываем:

1. Секретно – по списку № 1. Текст пункта изъят

2. Секретно – по списку № 1. Текст пункта изъят

3. Секретно – по списку № 1. Текст пункта изъят

4. В целях обеспечения контроля ситуации в приграничных регионах и оперативного реагирования, создать в г. Москва Межрегиональный оперативный штаб (МРОШ-Украина) а в регионах – Региональные оперативные штабы. Штабы создавать на материально-технической базе ФСБ РФ с привлечением ресурсов МВД РФ. Положения о МРОШ и РОШ – представить на утверждение к 01.08.2020 года.

5. Руководителям предприятий регионов с 02.07.2020 г. и до особого распоряжения принять дополнительные меры по обеспечению безопасности работы предприятий, установить круглосуточное дежурство ответственных лиц и организовать дополнительные посты охраны за счет предприятий.

6. Руководителям учреждений и предприятий, независимо от форм собственности, взять под усиленный контроль с 02.07.2020 г. и принять все необходимые меры по сохранности сетей электро-, газо-, водоснабжения, теплоснабжения и других коммуникаций, складов и хранилищ.

7. Начальникам УМВД России в указанных краях, областях, республиках, городах федерального значения укрепить действующие наряды и организовать дополнительные посты милиции на территории регионов:

- обеспечить тщательный досмотр транспорта, перевозимого груза, пассажиров с целью недопущения проникновения экстремистов, оружия, взрывчатых веществ;
- ужесточить контроль за проживающими иностранными гражданами и гражданами, прибывающими из других регионов. Особое внимание обращать на лиц, слабо владеющих или не владеющих русским языком, уклоняющихся от регистрации, пытающихся расплатиться иностранной валютой;
- организовать круглосуточное патрулирование в регионах;
- организовать на базе РОВД, ГУВД специальные огневые группы (СОГ) для быстрого реагирования на критические ситуации, обеспечения вооруженного патрулирования сельской и лесной местности. Провести подготовку и боевое слаживание указанных подразделений с подразделениями ОМОН, СОБР;
- сориентировать личный состав органов МВД на выявление подозрительных лиц (групп лиц), не имеющих постоянной регистрации в указанных регионах, слабо владеющих или не владеющих русским языком, проживающих в дачных кооперативах, садовых домиках, гаражных кооперативах, сельской местности, имеющих при себе и/или распространяющих украинскую, украино-фашистскую (бандеровскую) символику и литературу, проявляющих повышенный интерес к объектам инфраструктуры, местам массового скопления людей, другим объектам повышенной опасности, скрывающихся в лесных массивах, замеченных с оружием;
- отделу ГИБДД принять необходимые меры по выявлению бесхозного автотранспорта, автотранспорта, длительное время припаркованного у зданий общего пользования.

8. Начальникам Московской, Куйбышевской железных дорог усилить контроль за подвижным составом железнодорожного транспорта, проходящего через указанные станции, организовать дополнительные посты охраны. Через средства массовой информации довести до пассажиров информацию об усилении бдительности при нахождении в поездах.

9. Начальникам управления по делам ГО и ЧС привести в готовность (без прекращения работы) невоенизированные формирования, дежурные аварийные силы и средства.

10. Управлениям образования провести с директорами школ, заведующими детскими садами инструктаж по вопросам усиления бдительности среди сотрудников и детей.

11. Управлениям здравоохранения предусмотреть резерв необходимых медицинских препаратов, материалов на случай возникновения ЧС. Принять дополнительные меры по охране и защите лечебных учреждений.

12. Управлениям культуры, управлениям по труду, социальным вопросам, спорту и делам молодежи с целью предупреждения значительного скопления населения ограничить проведение культурно-массовых мероприятий.

13. Главам городских и сельских администраций с целью предупреждения и недопущения террористических актов в жилых домах высотной постройки через службу ЖКХ организовать обследование подвалов, лифтовых шахт, чердаков, мусоросборников для выявления подозрительных лиц и предметов.

14. При возникновении чрезвычайных ситуаций немедленно принимать меры и докладывать в местные УМВД, УФСБ, управления ГО и ЧС.

Директор ФСБ РФ

Министр внутренних дел РФ

Ростов-на-Дону. Территория вертолетного завода. 17 августа 2020 года. Продолжение

Расписался в журнале ознакомления. С секретными пунктами по списку «один» я отдельно ознакомился – хотя с ними-то как раз действующий резерв знакомиться не имел права. Собственно, эти пункты не содержали ничего для меня нового: на территории Украины активно действуют агенты враждебных иноразведок, в частности американской, британской, европейской, разведки НАТО, продолжается работа лагерей подготовки боевиков и диверсантов с особым упором на подготовку русскоязычных диверсантов и диверсантов из национальных и этнических меньшинств России. Готовят татар, башкир, только не смейтесь – якутов и еще сибиряков. Последние – это русские, которые то ли обезумели от жадности, то ли им домо-вой пыльным мешком сзади по голове ударил. Пропаганда проста до безобразия: в Сибири народа миллионов двадцать, а природных ресурсов до черта, отделимся и станем жить намного лучше. При этом придумывают какой-то народ – «сибиряки», у которых нет ни национального прототипа, ни языка – шпарят на русском. Вроде говорят о какой-то особой роли сибиряков в антибольшевистском сопротивлении – я тоже антикоммунист, но я помню, что сибиряки-то как раз Колчака предали. В общем, все на уровне детской самостоятельности, но это пока. Едут в украинские лагеря и с Сибири, и как только вернутся – будет уже не детская самостоятельность. Будет кровь.

Предлагаемые меры тоже не представляли собой ничего нового. Усилить контроль на границе, поддерживать антибандеровское сопротивление, проводить активные мероприятия по уничтожению лагерей подготовки, особо активных бандглаварей, на руках которых кровь и русских, и украинцев. Активизировать агентурную работу с целью проникновения в бандеровские группировки. Новостью было только задействование спецназа погранвойск для действий в приграничной зоне, но на территории Украины – с целью поддержки антибандеровских сил или ликвидации бандеровцев, готовящихся к нелегальному переходу границы. Раньше этого не допускалось, все-таки границу контролирует миссия ОБСЕ.

Еще одна новость – создание ЦШПД, Центрального штаба партизанского движения. Это, считай, если не война, то что-то очень близкое.

– Мы в этой схеме – где? – спросил я.

– РОШ – Ростов, – ответил Кивалов, – создается на базе местного УФСБ, им там делать нечего. ФСБ, МВД местное – на них контрразведывательные и заградительные действия. Не мне вам объяснять, что творится в приграничной полосе. Контрабанда и в ту, и в другую сторону, вооруженные отморозки шляются, границы фактически нет. Контрабандисты, если им хорошо заплатить, слона протащат, что в ту сторону, что в другую. Мы к ним не относимся, у нас федеральное подчинение, напрямую – на МРОШ – Украина. По схеме – мы группа связи при ЦШПД, задачи – координация действий, самостоятельные действия за линией фронта, подрывная и агентурная работа на территории Украины. Задача – за счет превентивных действий не допускать концентрации крупных банд бандеровцев в приграничной полосе, ликвидировать лагеря подготовки, особо непримиримых бандглаварей, противодействовать попыткам НАТО закрепиться на территории Украины. Ну и главное – за счет превентивных боевых и агентурно-оперативных действий не допускать развертывания террористической активности на территории Российской Федерации. Эта задача сейчас стоит в приоритете перед всеми другими, задача межгосударственного урегулирования стоит перед дипломатами, наши задачи – совсем другие. И под них нам дают тридцать дополнительных штатных единиц, это уже согласовано. Одну из них займете вы.

Я сидел и думал... пытался вспомнить, когда и с чего все началось. Вроде и произошло-то это совсем недавно, по историческим меркам три-четыре года – это миг, мгновение. Но память

уже отказывается вспомнить... когда по-настоящему полилась кровь, когда перестали быть людьми, когда озверели...

Я говорил с беженцами, и не раз. Взрослые мужики... совсем не похожие на тех, что трещат по Интернету, обвиняя Россию в том, что она их слила. Эти говорят спокойно – сами виноваты. Не смогли, не сказали людям то, что надо было сказать, не донесли. Но наше дело правое, и мы победим. Так вот – в первое страшное лето, когда обе стороны просто кинулись друг на друга, не представляя последствий, – в это первое лето ополчение отпускало назад практически всех. Просто брали обещание, что больше никогда не вернутся в Донецк. И отпускали. И мы – на границу шли беженцы, выходили раненые, вырвавшиеся из окружения украинцы... мы их принимали, кормили, лечили, пытались обустроить, кто хотел вернуться назад, – тех отпускали. Тогда еще не было такой злобы, такой ненависти... и сами украинцы считали, что все это не всерьез, ненадолго, в том числе и с Россией. Я был одним из тех, кто опрашивал тогда пленных... украинский офицер-десантник с Львова, западенец, попросил сигарету. Я дал – не курил, но сигареты у меня всегда были под рукой, для установления контакта. Он подкурился, затянулся от души и с горечью сказал по-русски: кто бы нас помирил...

Но помирить оказалось некому. Наоборот, мировое сообщество – твари проклятые – всеми силами толкало к войне, и прежде всего – украинцев. Толкало, обещало, трубило в мировых СМИ, вводило какие-то санкции. Нам эти санкции, знаете ли... И не такое переживали.

А вот сейчас – озверели. И с той, и с другой стороны. Нет больше обменов пленными, нет надежды на то, что вот-вот, только немного еще – и...

Есть только горечь в душе, злоба, могильные холмы за спиной, рвы, в которых наскоро схоронены друзья, руки, привыкшие к автомату и острое желание дать другим почувствовать хотя бы частичку той боли, которую чувствуешь ты. В этом-то и проблема – ты чувствуешь боль, но не знаешь, не представляешь, какую боль чувствуют другие...

– Есть одна проблема, – сказал я.

– Какая именно?

– Я побывал в плену. У американцев. До сих пор отстранен от оперативной работы. Проверка не завершена.

– Завершена. Дело закрыто приказом директора ФСБ. Больше ничего нет.

Глупости говорить я не стал. Почувствовал, что произошло что-то серьезное.

Тем временем Кивалов достал из стола планшетноутбук, перегнул его так, что он превратился в треугольник, повернул экраном ко мне.

– Посмотрите внимательно. Если увидите знакомые лица – дайте знать. Окей?

Украина, близ Киева. Аэропорт Гостомель.

11 августа 2020 года. Бандеровщина

Было холодно. Шел дождь, оставляя на стеклах машин мутную пелену. Щетки стеклоочистителей металась по стеклу, разгоняя воду, но дождь снова заливал стекло. В этом было что-то... предупреждающее.

Сизифов труд.

Молодой охранник, на минуту выбежавший из теплой караулки, едва проверил документы, выбросил руку в нацистском приветствии:

– Слава Украине!

Машины тронулись...

Их путь вел к ангарам, где базировались самолеты авиакомпании «Антонов» – одного из немногих коммерчески успешных предприятий Украины. Его успешность базировалась на том, что он эксплуатировал флот из семи самолетов «Ан-124 Руслан» и уникального, единственного в мире самолета «Ан-225 Мрия». Американцы по какой-то причине не хотели

выпускать на рынок свои сверхтяжеловозы, и единственным конкурентом была базировавшаяся в Поволжье авиакомпания «Волга-Днепр». До 2013 года планировалось возобновление производства самолетов, были даже получены заказы на семьдесят машин, но далее, в связи с известными событиями, проект был аннулирован. Русские начали подготовку к самопальному производству «русланов», фактически украв конструкцию, а также создали в Ульяновске новое КБ, специально ориентированное на проектирование тяжелых и сверхтяжелых самолетов. Украинцы тоже не бросили этот проект, сейчас подготовка к возобновлению производства «русланов» шла в Абу-Даби, совместно с финансируемой местным эмиром программой развития промышленности: планировалось наладить выпуск как классического «Руслана», так и «Руслана» с грузовым отсеком в полтора раза больше, чем у оригинала, двигатели планировалось использовать самые распространенные, не украинские, а от «Роллс-Ройса». В Абу-Даби вкладывали деньги в авиапромышленность, там уже запустили в производство истребитель, взяв за основу проект «Нови Авион», остановленный после распада бывшей Югославии, и вот теперь – планировали освоить и гамму грузовых самолетов, в том числе «Ан-124» и «Ан-70», создав авиапроизводителя мирового уровня. Украинцы тоже радовались... это все подавалось как пример выхода Украины на внешние рынки, только здравые люди понимали, что самолет, собираемый в Абу-Даби и с британскими двигателями, – это уже не украинский самолет. Для украинских самолетов больше не было места в небе, и украинские конструкторы самолетов, двигателей, ракет ехали либо в Россию, либо в Абу-Даби – правда, об этом не упоминали по телебаченью. В Абу-Даби уехало больше половины оставшихся в стране конструкторов «Антонова», это считалось длительной командировкой, и Украине даже что-то платили... но все понимали, что они вряд ли вернутся...

Такая вот... перемога... со зрадой пополам.

Машины остановились возле ангара, старший посмотрел на часы.

– Полчаса...

– Могут отменить посадку.

– Они сядут...

Самолет действительно сел в дождь, это был «Ил-76», принадлежавший одной из многочисленных офшорных транспортных компаний – эта имела прописку в ОАЭ, но совершала полеты по всему миру. Этот рейс шел из Турции с грузом оружия и боеприпасов: через Турцию. Украина за счет западных партнеров закупала себе оружие, поставки шли как собственно турецкого оружия, так и многочисленных трофеев из Сирии и Ирака, проследить судьбу которых было совершенно невозможно. Это были не официальные закупки – таким образом закупались украинские боевики из УНА-УНСО, УВО и других многочисленных бандеровских организаций и групп. Этим же путем в Украину шли наркотики, но немного. Основным путем был водный, либо напрямую через Турцию, либо из Грузии – в Одессу.

Бандеровские боевики – все они принадлежали к Центральному проводу, главным среди них был Дід – вышли под дождь, чтобы поприветствовать спустившегося по боковому трапу человека.

Человек был невысок, коренаст, типичный турок по виду, чисто выбрит. На вид ему было лет пятьдесят. Он был одет в западную одежду, с ним была только небольшая сумка. Один из сопровождающих Діда бандеровцев раскрыл зонт...

Дід шагнул навстречу прибывшему, они обнялись...

– Хвала Аллаху, ты прибыл... – сказал Дід.

– Не говори о том, чего не понимаешь, – отрезал прибывший, – поехали...

Машины неслись по трассе в Киев мимо блок-постов и заграждений, обгоняя редкие машины на трассе. Они ехали в черном микроавтобусе «Шевроле Экспресс», который был

своего рода символом второго Майдана. Его пригнали из Межигорья, до революции он принадлежал сыну Януковича. Автобус захватил Правый сектор, они рассекали на нем по Киеву, потом начался скандал – и они вроде как сдали его государству для продажи на аукционе. Его, кажется, даже продали на аукционе, где собирали деньги на помощь раненым в АТО, антитеррористической операции – первом этапе гражданской войны в Украине. Но потом он все равно каким-то образом оказался в руках Правого сектора – политического крыла боевых организаций на Украине – и использовался для встречи гостей и VIP-перевозок по Киеву⁶.

- Как жив, брат?.. – спросил Дід, сидя за столиком, напротив гостя.
- Как жив... как жив... сердце болит.
- Ничего... В Днепре подлечим... там у нас израильские врачи работают.
- Нет, дорогой... – сказал гость. – Мне уже все. Отходился...
- Перестань...
- Дело не в том, когда ты умрешь. А как...

Ростов-на-Дону. Территория вертолетного завода. 17 августа 2020 года

- Гостомель?
- Он самый. Узнали кого-то?

Я откинулся назад на спинку стула.

– Съёмка паршивая, но главный среди них – похоже, что Дід Шукарь. В миру – Александр Кваснюк, бывший полковник СБУ, крайне нетерпимый украинский националист. Прямая связь с кланом Турчинова, он поднялся, когда Турчинов был главой СБУ. Сливал информацию во время второго Майдана, участвовал в организации покушений на Януковича, имеет отношение к делу снайперов. Оттерт и уволен со службы зимой 2020 года в связи с радикальными взглядами. В настоящее время занимается тем же самым, только в Центральном проваде, то есть на добровольных началах. Один из руководителей разведки движения, точную его должность я не знаю, и вряд ли кто-то знает. Идеальный.

- Как, по-вашему, его можно купить?
- Нет. Фанатик.

Полковник утвердительно кивнул.

- Еще кого-то опознали?
- Нет. Судя по автоматам – быки.
- А тот, кто прибыл на самолете?

Я пожал плечами:

- Инструктор... что-то в этом роде. Там полно всякой швали обретается...

Полковник пригладил волосы на голове, он был пострижен не коротко, волосы были уложены в самую простую причёску, как у школьника – полубокс. Они были какие-то сивые... не с проседью – а именно сивые, блеклые.

– Прибывшего самолетом удалось опознать мне. Сулимов Мамед Омарович, бывший капитан Главного разведывательного управления Генерального штаба. Служил в Закавказском

⁶ Конфигурация фашистского крыла политической системы Украины выглядела следующим образом. Политическое крыло крайне правых – это Правый сектор, изначально, во время второго Майдана, он использовался как общий политический проект боевиков, но затем он был выведен на политическую сцену как более раскрученный и пропиаренный проект. Пользовался поддержкой примерно четверти украинцев, но среди молодежи он держал большинство. Боевое крыло – это УНА-УНСО, УПА, некоторые другие организации, многие из которых выросли либо из Вече сотников Майдана, либо из добровольческих батальонов. Власть откровенно боялась боевиков, но не могла с ними ничего сделать – тем более что у них и в самом деле была поддержка в молодежной среде, очень сильная. Политическая камарилья Украины пыталась перехватить контроль наиболее радикальных сил, создав УВО – Украинскую войсковую организацию и Радикальную партию – как конкурента Правого сектора. Но ни тот, ни другой проект не пользовались успехом в связи с явной ангажированностью с властью.

военном округе, закончил Военно-дипломатическую академию, профессиональный разведчик, подрывник. Тренировался в Балашихе на курсах усовершенствования офицерского состава, направление – Ближний Восток. Владеет турецким и арабским языками. В тысяча девятьсот девяностом году – после событий в Баку – демобилизовался из рядов Советской армии, примкнул к радикальным националистам. Участвовал в событиях в Карабахе, затем в Чечне на стороне бандформирований Дудаева, по некоторым данным, участвовал также в событиях в бывшей Югославии и в Ираке, на стороне Аль-Каиды. Участник событий на Украине с первого дня Майдана, затем советник в бандформированиях Национальной Гвардии, эксперт. По нашим данным, в последнее время обретался в Турции, консультировал местную разведку и спецназ по методам реагирования в связи с событиями в Сирии. Сейчас переброшен на Украину, чему есть, по меньшей мере, одно подтверждение.

Полковник наклонился вперед, сцепив пальцы в замок:

– Мое подтверждение. Сулимов во время первой чеченской был заместителем командира интернационального батальона, в состав которого входили боевики УНА-УНСО, а также боевики с территории Афганистана, Турции, бывшей Югославии, Судана. Фактически занимавшаяся им должность – заместитель командира батальона по боевой подготовке. И уже тогда он вынашивал очень серьезные планы...

Далекое прошлое. Чеченская республика Ичкерия, 12 км южнее Гудермеса. Исти-су. 30 мая 1995 года

В двенадцати километрах южнее Гудермеса есть приметное место: горячие источники Исти-су. Место известное, дорога к нему протоптана не одним поколением людей. Там ничего примечательного нет – место как место: невысокие холмы, орешник, зеленка. Какие-то невысокие старые домики, построенные для переодевания – их мало. Дорога поблизости – сельская: либо идешь пешком, либо подвезут на тракторе. Сами источники также не представляют из себя ничего особенного: просто дыры в земле, температура воды градусов шестьдесят – в свое время со всего Союза ездили сюда лечиться. Там можно яйца варить. От воды поднимается парок, ветерок шевелит многочисленные, оставшиеся еще от прежних времен ленточки на кустах. Их завязывали, загадывая вернуться.

Местная «ментовская» белая «Нива», короткая, проходимая, прыгучая как козел, с креплениями для станка АГС в багажнике: удобно – ночью подскочил к блоку, выпустил короб – и ходу, насадно завывая мотором, преодолела последний взгорок и остановилась. В машине были двое: один в милицмейской форме, другой в солдатской, федеральных сил. Второй был за рулем, его лицо было с небольшим шрамом.

Именно он первым и вышел из машины, прихватив автомат АКМС, настороженно огляделся. Горы... кустарник... место для милиции совсем неподходящее. Проклятая зеленка – из нее то и дело гремели автоматные очереди, и все больше матерей в бескрайней глуши России получали серые, скорбные листы похоронок, где говорилось, что их сын погиб, но не говорилось – за что.

Из машины полез и мент, полноватый, но крепкий, типичный чеченец, хозяин. Огляделся, гулко, как в бочку крикнул:

– Ого-го!

Горы передразнили его: го... го... го...

Из зеленки вышли люди. Трое, обросшие бородами, с автоматами...

– Давай, Сережа... открывай багажник...

Автоматчик открыл багажник, достал массивную сумку. Звякнуло стекло...

Сошлись на полянке. Мент обнялся с каждым из пришедших. Потом пошли к источникам – искупаться, пропарить кости в немилосердно горячей целебной воде. Начали раздеваться...

– Сережа... организуй пока... – весело крикнул мент.

Сережа начал раскладывать еду на капоте.

– Ты ему доверяешь? – негромко спросил один из бородачей. – Он же русский.

– Да какой он русский, – не меняя прежнего веселого тона, ответил мент. – Он наш, чеченский, в Грозном жил. Мой брат с ним в одной школе учился, когда русские Грозный брали, его контузило сильно. Брат его домой привез, не бросать же... Не думай, он своих сильно ненавидит. Сам на дела ходил... понятливый...

– А я вот думаю... – настойчиво сказал боевик.

– Ну вот что, – голос мента внезапно построжал, – не тебе решать, дорогой. Если есть претензии ко мне – обращайся к Асламбеку, понял?

– Хорошо, хорошо...

Мент подмигнул:

– Алию помнишь? Вот, думаю ее за Сережу выдать. А то – наши-то ее никто не берут, пропадет...

Горячая вода не располагала к долгим разговорам, потому какое-то время мент и пришедшие неизвестно откуда боевики просто парились, отложив автоматы на край источника. Вода действительно была живительной. Особенно для тех, кто провел холодную зиму в горах, ночуя на снегу и в пещерах, кто застудил ноги и посадил почки. Менту это тоже было полезно – лишнего у него было килограммов пятьдесят...

– Кого ты привел? – спросил мент по-чеченски, закрыв глаза. – Я его раньше не видел. Он чеченец?

– Нет. Очень хороший специалист. Карабах. Среди наших зовут Микаил.

– А...

– Со Мамед, – сказал по-чеченски один из пришедших боевиков.

– Я Аслан, брат Асламбека Гудермесского. Говори по-русски, мне нетрудно. Знаешь русский?

– Да.

– Хорошо...

Вода расслабляла. Если закрыть глаза, то могло показаться, что вернулось то старое мирное время, когда он не был таким толстым, таким продажным и таким отвратительным сам себе, когда он учился в Ростовской школе милиции и гордился своей формой. А еще у него была девушка Нина, и он хотел жениться на ней, но родители сказали, что так не годится. Он должен жениться на чеченке и продолжить свой род. За него сосватали Фатиму, дочку начальника местного РАЙПО, и на тех харчах он сильно разжирел, и теперь был таким, какой он есть. Тогда же он научился брать взятки: тесть научил.

– На днях вагон пойдет... – сказал, не открывая глаз, мент. – Там бабки для Дагестана. Люди шепнули – арбуз⁷. Две трети надо будет отдать...

Кому отдать – было понятно: русским. Эта война вся целиком крутилась вокруг денег. Да и до войны было... много чего. Вы думаете, что все эти многомиллиардные аферы с авизовками – это все дело рук чеченцев, так, что ли? Ага, держи карман шире. Чтобы все это проверить, надо было знать коды подтверждения РКЦ ЦБ РФ. А они секретные, и точно не для чеченцев. Дударiku от этой аферы обещали треть, но кинули только пять процентов. Тот сильно обиделся – и эта обида в немалой степени повлияла на его намерение отделяться от России, а потом и

⁷ Одно из сленговых названий миллиарда.

вести с ней войну. Если обещают треть, а дают двадцатую часть – это даже не неуважение. Это тебя не воспринимают как человека. По этой же причине заинтересованные люди сделали все, чтобы не допустить личной встречи Ельцина и Дудаева. Потому что компромат у Дудаева на многих был просто убийственным.

Так и тут. Шел вагон, напали чеченцы – потому денег нет. А если не отдать две трети – больше таких вагонов не будет. А те деньги, которые ты закрысил, – потом, когда поймают, засунут тебе в очко. Потому что сами деньги ничего не значат, в чеченских горах ими только костер топить. Их надо поменять на валюту и вывезти. Или вложить. А тут без русских никак не обойтись...

Но и треть от миллиарда – очень хорошие деньги. Особенно если они не у тебя в кармане, а, скажем, на счете в БОНИ, Банк оф Нью-Йорк.

– Беретесь или мне других попросить? – обострил мент.

– Поговорим за столом.

Стол накрыли прямо на капоте «Нивы». Баранина невкусная, потому что баранина быстро стынет, ее надо горячую есть. Лаваш, лук, консервированная черемша из банки. Водка. Боевики ели быстро, жадно. Проголодались...

– Ну, так что с вагоном? – спросил мент.

– Тебе только бы хапать, – с набитым бараниной ртом сказал боевик.

– Это умнее, чем скакать как козел по горам. Все равно, далеко вы не уйдете. Надо с русскими мириться...

Боевик посмотрел на него.

– Не будь ты братом Асламбека...

– И что бы ты сделал? Если воевать с русскими – откуда брать деньги? У нас даже денег своих нет!

– Напечатаем...

– Напечатаем... – передразнил мент, – как раз туалетной бумаги мало. Так берешься или нет, я не слышу?

– Асламбек тебе привет передавал. А вагон – не до того сейчас. Скоро такой вагон будет...

...

– Мамед тебе скажет...

– Скоро большая акция будет, – сказал Мамед, единственный, кто не пил водки. – Очень большая акция. Надо будет людей собрать. Лучше всего у тебя.

– Сколько?

– Человек двести.

– Ва... на Москву собрались?

– Как угадал?

Мент оторвался от черемши.

– Вы это что... серьезно? Нас же тут...

– А нам Асламбек сказал, что тебе верить можно.

Сами эти слова, вроде как безобидные, на самом деле давали понять, что если они не договорятся, то живым он отсюда не уйдет. Чьим бы братом он ни был.

И мент понимал, что та система круговой поруки, которая существовала до войны, когда за одного поднимался весь род, с автоматами, и даже Дударик не мог ничего сделать, – она ушла в прошлое. Теперь многое определяет война и ее логика. Убить могут любого. В том числе и его самого.

– Мне верить можно, – сказал мент, – но я дело делаю. Если бы не я...

Один из боевиков покивал:

– Мы знаем, брат. Ты много сделал для нас: и братьев от беды спасал, и денег немало дал. Но сейчас дело обстоит так – мы или они. Если сейчас не перехватить русистам глотку – они задавят нас. В горах люди держатся из последних сил. Больше некуда отступать...

Мент покачал головой:

– Я понял. Жалко все же вагон...

– Не переживай, дорогой. Время придет, нам Русня будет вагонами дань грузить, да...

– Этот парень... – вдруг сказал Мамед-Микаил, – как его зовут?

– Сережа.

– По-русски хорошо говорит?

– Хорошо. А что?

– Думаю его с собой взять. Нам русские нужны – мало нас...

Мент досадливо стукнул кулаком по капоту:

– Эх... вот и Алиа осталась одна. Хорошо. Поговори с ним...

Ростов-на-Дону. Территория вертолетного завода. 17 августа 2020 года. Продолжение

*Мы все потеряли что-то
В этой безумной войне...*

Крылья

– Получается, товарищ полковник (подбавил специально, вроде как уважение начальству), – Мамедов был в составе группы боевиков, захвативших Буденновск?

– Да, был, – с неохотой сказал полковник, – у него была отдельная группа. Его псевдоним был «полковник Микаил». С ним человек пятнадцать. Все – русские и русскоязычные, которые бы не вызвали подозрений в Москве. В Москве, по-видимому, у них было особое задание. Мне удалось бежать... женщина помогла. Вышел на своих. Они планировали добраться до Москвы, одна группа штурмом берет Останкино, другая – захватывает Белый дом. В Москве к ним должны были присоединиться еще несколько десятков боевиков из местных общин, для них они везли большое количество оружия, намного больше, чем нужно было им самим. Идти планировали через Хасавюрт, и дальше – на север. После того как я ушел, посчитали, что операция сорвана, но на всякий случай прикрыли Москву и Ростов. А эти твари...

Я ничего не сказал. А что тут сказать.

– Я прочитал ваш рапорт. Вы уверены, что американцы попытались наладить с вами контакт...

– Да. Не знаю только зачем.

– А сами как думаете?

Я задумался... тут главное не что сказать, главное – как.

– Я думаю, в США существуют разные точки зрения на то, что происходит на Украине. В конце концов, на Украине происходит много такого, что иначе как фашизмом не назвать. И те, кто помогает Украине, замазались в этом по самое не балуй. А должны существовать и конкуренты этих людей... в Пентагоне... в НТС... теперь это НТС. Следовательно, если они хотят убрать своих конкурентов, они должны найти грязь на них, а где можно найти эту грязь, как не на Украине. Я указал в отчете: отказ от попытки наладить контакты с американцами, не узнать, что они хотят, было бы большой ошибкой.

– Ну... после того, что произошло в Риге, первым делом они хотят вас повесить... наверное. Причем не факт что за шею.

– Может, да. А может, и нет. Все зависит от того, насколько им нужна дружба с кем-то из нас.

– И вы готовы рискнуть? Даже с учетом, что мы не будем вытаскивать вас из Гуантанамо... или куда они вас могут забрать.

Я пожал плечами:

– Жизнь – это риск. Двум смертям все равно не бывать...

Полковник какое-то время сидел неподвижно... словно взвешивал что-то в уме. Потом решительно поднялся из-за стола.

– Идемте...

Толстая полиэтиленовая пленка, наскоро собранные конструкции каркаса, примерно такие, из каких делают полки в супермаркете, приглушенный свет многочисленных мониторов. Большой стол, он же – плоский дисплей, на котором сейчас карта Западной Украины со спут-

ника. Почти бесшумно работающий цветной принтер, выдающий все новые и новые снимки, уже с результатами первичного анализа.

...

– Лагерь М11. На сто пятьдесят человек. Полностью уничтожен, не восстанавливался.

Черным – земля, более светлым – дороги, лес, строения. Черная гать пожарища в лесу – прямое попадание ракеты.

...

– Лагерь М26. На сто человек, мы его определили как место подготовки снайперов. Признан полностью уничтоженным, активно восстанавливается.

Фигурки людей, ломаная линия обрыва – в этом месте холмы переходят в невысокие Карпатские горы.

...

– Объект ОЗ. Трускавец, бывший санаторий «Кристалл», определен нами как местный бандеровский штаб, определено наличие иностранных инструкторов. Уничтожен прямым попаданием ракет, по агентурным данным – двухсотых и трехсотых отправляли на Варшаву двумя С130. В настоящее время организован новый штаб, место – санаторий «Молдова».

Руины здания... это кто-то строил для людей, для того, чтобы они тут отдыхали. Строила совсем другая страна, для совсем других людей... для простых людей, для работяг. Какое мы имели право разрушать труд людей?

А какое они имели право ставить там бандеровский штаб?

Кто бы нас помирил...

– Объект Д4...

Дальше... дальше... еще живы люди, которые жили в одной, общей стране. Они и подумать не могли о том, что ракеты, разработанные в Днепропетровске, будут угрожать Киеву, а воткинские – бить по Трускавцу.

И самое страшное – мы уже не представляем ничего другого, кроме этого. Я уверен, что и у украинских планировщиков тоже есть карты, на которые нанесены наши города. И на них тоже что-то наведено.

– Новый лагерь, присвоен номер М41. На двадцать – двадцать пять человек. По-видимому, после нанесения удара в рамках операции «Листопад» они больше не рискуют создавать крупные лагеря. Несмотря на неудобство и большую потребность в инструкторах, они теперь не делают лагерей вместимостью более двадцати пяти – тридцати человек. Вот типовой лагерь – видео оперативной съемки.

Глухой лес, мало света, полог из ветвей, толстый ковер листвы. Палатки выглядят как нары на земле, сверху они полностью закрыты теми же листьями.

– Такие лагеря удастся вскрывать только по применению термодатчиков, они показывают наличие источников тепла. Спутники такие лагеря не вскрывают. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что далеко не все лагеря нами разведаны и нанесены на карту.

Снимок. Пятерка парней – рой. Руки вскинута в нацистском приветствии, один – встал на колено. У одного обращает на себя внимание магазин на его «АКМ» – очень длинный. Я его знаю – на сорок семь, марки «Термохолд». Значит, прямые поставки из США, или просто доброхоты постарались. Послали в посылке. Еще у одного снайперская винтовка – похожа на «Рем-700», с глушителем серого цвета. Точно – спецназ.

Выпускники одного из таких лагерей.

Чем отличаются от них выпускники диверсионных школ ДНР? А тем, что бандеры – пидоры, а ДНР – за наших. Вот и все. Больше это вам никто и никак не объяснит.

– ...операция «Листопад» пусть и привела к серьезным потерям личного состава и фактическому срыву летней террористической кампании, однако не привела к полному разрушению террористической структуры либо отказу от подрывных и террористических методов борьбы.

Наоборот – в почтовый ящик одного из сотрудников УФСБ по Ростовской области подбросили колорадского жука и флешку. Из записи следует, что террористические группы УНА-УНСО объявляют нам открытую войну и предупреждают о начале террористической кампании в крупных городах РФ. Кроме того, зафиксировано прибытие в регион новых наемников и инструкторов из США, Турции, Великобритании...

Мы – их. Они – нас. И все – по кругу...

– Таким образом... следует признать, что, несмотря на достижение тактических целей, коренного перелома в ситуации после реализации «Листопада» не произошло.

– Ситуацию себе уяснили? – спросил полковник, когда мы поднялись с брифинга в его кабинет.

– Да. Только не понимаю, при чем тут я.

– Вы... вы довольно уникальный человек. Как с разведывательным, так и с контрразведывательным опытом.

– Прошу прощения. Мой разведывательный опыт исчерпывается парой острых акций. Это нельзя назвать опытом.

– И тем не менее у большинства нет и этого. Вы же курировали агентов, которые забрасывались на ту сторону границы, и их возврат.

Я ничего не сказал. Но подумал, что однажды возврат-то обеспечить я и не смог.

– Я предлагаю вам подключиться к операции «Соловей». Вам, с вашим опытом, там самое место. А поскольку она ведется в основном в Москве – вы будете там, на виду... в том числе и у американцев из посольства.

Полковник достал из ящика стола еще одну фотографию, перебрал мне:

– Он?

Он. Марк. Тот самый, которого подослали ко мне в Риге. Тот самый, благодаря которому мне удалось сбежать.

– Он.

– Марк Уильям Шоу. Запрошен как юридический советник посольства. Мы дали согласие.

Ну вот. Теперь все понятно. Откуда ноги растут и вообще.

– Он проворонил меня в Риге. Если бы это сочли провалом, ему никогда не светило бы назначение. Тем более юридическим советником.

– У него должно было быть высшее юридическое образование.

– Оно у него есть, думаю. Он представился как сотрудник ФБР.

– Ясно. Итак?

– Да.

– Вот и отлично.

У меня были свои соображения насчет всего этого. Правда, я не хотел озвучивать их вслух...

Москва. Английский паб. 19 августа 2020 года

*Я нем, но ты слышишь меня,
И этим мы сильны.*

Виктор Цой

В Москве у меня были старые знакомые...

Едва только бросив вещи на съемной квартире, я позвонил по телефону и договорился о встрече. Место для встречи выбрал мой контрагент, хотя я знал его – английский паб «Альбион», на Манежной площади, вход со стороны Александровского сада. Место считалось довольно демократичным, его изюминка заключалась в том, что тут могли коротать время как люди, работающие в Кремле, так и оппозиционеры, тусующиеся у Манежки. Они обычно занимали разные концы зала и старались не смотреть друг на друга.

Заведение было демократичным. Музыка так и осталась хорошей, правда, несколько потяжелее, чем должно быть в стандартном английском пабе. Набор блюд – полностью как в пабе, из изюминок: вишневое пиво. Несмотря на обеденный перерыв, столик мне нашелся, причем хороший, с удобными, мягкими креслами.

Едва я приземлился, в бар заскочил и Серега. Он однокашник, мы вместе учились... неважно где. Разница между нами была в том, что я терпеть не мог бюрократию, а он ее обожал... или удачно делал вид, что обожает. Поднялся он высоко.

– Физкульт-привет! – Он плюхнулся напротив. – Слышал, тебя смертью храбрых...

– Долго жить буду...

Подошла официантка. Я взял цыпленка табака, Серега – немного пастушьего пирога. Вместо пива попросил воду «Эвиан».

– Служба...

– У меня тоже...

Когда долго не видишься с человеком... потом очень сложно начать разговор. Не знаешь, с чего начать, интересы разные.

Потрепались о старых друзьях. Потом принесли жратву, мы вгрызлись в яства. Гудела музыка... вокруг шумел многомиллионный мегаполис – и почти никому в нем не было дела до того, что всего в паре часов лета от него люди вгрызаются друг другу в глотки, остервенело рвут друг друга на части. И умирают, истекая кровью...

– Ты знаешь, откуда я?

Серега кивнул, поедая пирог.

– По Украине кто главный?

Он пожал плечами.

– Все. И никто. Занимается там Хрулев, но постольку поскольку. На него еще много навешено... на нас – тоже. Во.

...

– А что спрашиваешь?

– Как ты смотришь на прямой канал с американцами?

– То есть прямой канал с американцами?

– То и есть. Как ты думаешь, я высочил из плена?

Серега отставил пирог в сторону.

– С этого места – поподробнее...

Зачем я играл в эту игру? Ну... затем, что мог, затем, что у меня были возможности. Затем, что хотел помочь Сереге, а тот, вероятно, потом поможет мне, но это не главное. Главное – это то, что я тоже что-то должен дать американцам. И это «что-то» – канал на самый верх.

Дело в том, что Украина – и то, что вокруг нее происходит, – превратилась в большую кормушку для очень многих людей, в том числе и из моего родного ведомства. Война – это внеочередные звания, это неподотчетные деньги на агентов, это контролируемые и неконтролируемые потоки водки, оружия, наркоты. Нет, я никого конкретно не обвиняю. Просто с какого-то момента война превращается в самоподдерживающийся реактор. И остановить его не заинтересованы обе стороны. Даже если они одержат победу.

Что, если одержим победу мы? Сколько земли нам не хватает от того, что у нас есть? А вот попилы и откаты на восстановлении, на беженцах – будут гигантские.

А если победу одержат украинцы – не ту, что у них есть, с громкими взрывами и тихой ненавистью, а настоящую? И Крым вернут, может, и еще что отхватят – в общем, что душе хохлячьей угодно. Что тогда будет отвечать власть на вопрос, а почему мы так плохо живем? На кого стрелки переводить? Ведь ничего, по сути, не изменилось – все тот же криминально-олигархический паханат у руля, только скрываться он уже не намерен, диктатуру рядит в государственную необходимость. А так – не будет Хутинпуя, не будет Крымнашего – их же просто снесут...

А вот я хочу все это прекратить. Потому что собираю деньги и решаю вопрос по операции для Ирины. И не хочу, чтобы другие Ирины, Кати, Маши и Наташи остались без ноги в двадцать лет. И чтобы они заманивали бандеровцев в темный угол, чтобы потрахаться, а потом прикончить – тоже не хочу. Не по-человечески это.

Кто-то должен просто это прекратить. И мне нужен Серега. Потому что это не только мой шанс, не только шанс тысяч и тысяч украинцев и русских не сгинуть в братоубийственной бойне – это и его шанс. Шанс выделиться. Стать нужным. Быть на слуху. Решить проблему.

А американцы – это очень большая проблема.

– Ты уверен, что это не подстава?

– Нет.

– А сам как считаешь?

– Думаю, не подстава.

– С американцем виделся?

– Еще нет.

Серега достает криптофон:

– Пиши номер. Это прямой.

Я записываю.

– Это на экстренный случай. Давай определимся – форум, файловый пакет.

– Нас никто не слушает.

– Смеешься, что ли?

Слушают всех. И всегда. Я думаю, слушают даже Первого. К этому просто надо привыкнуть. Органы – они такие. Думаете, со времен Ленина – Сталина они сильно изменились? Боже упаси.

– Хорошо, давай.

Обговариваем основной способ связи. Он прост – есть специальные программы, позволяющие отрезать кусок от файла. Способ связи: просто один кусок оставляешь на одном форуме, другой – на другом. Можно еще зашифровать...

– Как встретишься с пиндосом – сразу отпиши.

– С американцем.

– Один хрен!

Перекрикивая нас, гремит «Биг Ган». Большие пушки как нельзя кстати.

– Сначала скажи, что вообще делается. Кто что думает, какие подвижки по Новороссии? Серега берет паузу, думая, что сказать, да как, да какими словами. Потом начинает говорить...

– Расклад, в общем, тот же. Новороссия нам на фиг не нужна, нам нужна Украина. Новороссия – средство, не более того. Правда состоит в том, что без американцев нам хана. По многим направлениям.

– Даже так...

– Вот только не надо патриотической хрени, хорошо? Американцы – лидеры, и останутся таковыми еще лет десять. Китайцы тоже не дураки, все, что им нужно от нас, – это ресурсы. Они с нами ничем не делятся, а в области технологии они сами отстают. Им просто нечего нам дать. Поэтому альтернатив работы с ЕС и США не существует. Все, что мы делаем сейчас, – это тянем время. И теряем его.

– Я слышал, мы с китайцами хорошо разруливаем. Покупаем самолеты, беспилотники. И они многое покупают.

– Ерунда это все. То, что делает Китай, – это потребительский рынок. Причем не последний писк. Американцы последние пять-семь лет им не дают вообще ничего. Ты думаешь, у них кто что хочет, тот то и творит? Вот тебе. Хрен. Многие вещи ты не купишь ни за какие деньги. Они могут продать тебе порт, но технологию станков нового поколения не продадут ни за какие бабки. Мы с ними неплохо сотрудничали, до того как все это началось. Ты думаешь, Сколково – просто так, что ли, строилось? От переизбытка денег? Были договоренности о том, что нам дадут место в новой технологической волне. Помогут коммерциализировать и вывести на рынок кое-какие наши наработки. Это было бы в общих интересах. Теперь все это стало.

М-да-аа...

– И каков общий настрой?

– Как всегда, разный. Силовики склоняются к решению вопроса силой. От Чернигова до Киева – хорошей моторизованной группировке день ходу. По всем расчетам, хохлы и близко не восстановились, им на это потребуется лет десять. Есть партия мира. Они за то, чтобы послать все к чертовой матери. Пытаются обговорить какой-то нулевой вариант.

– И какой же?

– Ну, в первом приближении – границу закрываем по-честному. С беженцами решаем конкретно: кто хочет жить нормальной жизнью – тех трудоустроиваем где-нибудь подальше от границы. Кто не хочет – с теми говорим уже по-другому; по факту, каждый из них лет двадцать уже себе намотал, а то и пожизненку. После чего амеры и еврики тихо снимают санкции.

– А с бандеровцами что делать?

– Ну... мысль такая, что с ними штатники будут решать. Примерно так же. Если не угомонятся – никаких кредитов больше не будет, выплывайте, как хотите. Ты же знаешь, что Краина на кредитах сидит, без них они бы еще в первую зиму гикнулись. Это их зона ответственности.

– И кто главный в партии мира?

– Круглов...

Серега вдруг подхватывается:

– Ты только это. Рот на замок.

Я усмехаюсь:

– Могила. Только знаешь, что?

...

– Г...о этот ваш план. И знаешь почему? Потому что у нас власть народом рулит. А там – наоборот. Властью рулит народ в лице его лучших представителей. А лучшие представители – это те, у кого есть стволы. Если им что-то не понравится, они власть в мусорку посадят. Потом сделают то, что им нравится.

– Это ты Круглову и скажи.

Упомянув фамилию одного из кремлевских небожителей, Серега стухает. Смотрит на часы.

– Короче, заболтался я. Держи меня в курсе, – он внимательно смотрит на меня. – Поможешь, я в долгу не останусь. Seriously, Вить...

Актер погорелого театра... сейчас расплачусь. Хотя меня этим не пронять – академию ФСБ в одном потоке кончали.

– Без базара...

Серый уходит, я и сам смотрю на часы. Вот такая вот... политика. Потому-то я Москву и не люблю.

Мне что делать? Ну, как говорится в одной пословице, делай то, что должен, случится то, что суждено. Серый мне друг. Без базара. И даже хороший человек – насколько хорошим может быть человек из Администрации Президента. Но есть и другой Серый. Бригадир луганчан, бывший опер луганской уголовки. Есть Децл, которому я ребра сломал за то, что пленного пристрелил, а у него мать правосеки на кол посадили.

И они не заслуживают предательства с моей стороны – и со стороны России тоже не заслуживают. Потому что Серега ставит на кон свою карьеру. А они всегда ставят на кон свои жизни.

Вот такая вот... энтропия.

Москва. 19 августа 2020 года

Москва поразила его с самого начала.

Он какое-то время работал в Киеве... большим и очень красивом когда-то, но сейчас – тихо умирающем в корчах ненависти городе, в городе, где на каждом углу агитация, все выкрашено в цвета национального флага, но при этом ничего не строится, транспорт убитый наповал, по дорогам, в иную яму на которых слон ввалится, шкандыбают дорогушие джипы, и отовсюду, навязчивым рефреном, – пропаганда, пропаганда, пропаганда. Ще не вмерла Украина... он просто не мог это слышать больше. Будучи американцем, он слышал про коммунистическую пропаганду и теперь представлял ее как-то так, как увидел ее в Украине. Вроде и не коммунизм, но замени жовто-блакитный флаг на красный, а «Ще не вмерла» на «В победе бессмертных идей коммунизма...» – и вот тебе пропаганда. Она самая...

В Шереметьево, куда он прилетел рейсом «Аэрофлота» из Франкфурта-на-Майне, оглушал шум, разноязыкий гомон, очереди всюду – на таможню, с таможни. Не похоже было на страну, находящуюся под санкциями. У него был дипломатический паспорт, он прошел зеленым коридором и вывалился в зал. Решил поменять валюту... валюту меняли, но по паспорту, на его дипломатический посмотрели с подозрением, но поменяли двести долларов. В кофейне он купил чашку кофе, подивившись ценам – в Ла Гуардии дешевле в полтора раза.

Его никто не встречал – так было оговорено. Проталкиваясь через толпу, он пошел к станции аэроэкспресса, там подивился красным двухэтажным вагонам – как в Лондоне автобусы, даже оттенок цвета тот же...

Машина американского посольства встречала его не в аэропорту, а у остановки аэроэкспресса в городе. Машина была японская, «Тойота Камри» с обычными московскими номерами. Необычно – в американских посольствах обычно были только американские машины. Он нашел ее сразу – если посмотреть через очки, которые у него были, на капоте был нанесен знак маркером... это было еще с войны в Ираке, когда американские солдаты оставляли пометки на стенах для тех, кто пойдет за ними, специальными маркерами, как в свое время американские индейцы. За рулем оказался жизнерадостный... ну, как бы это сказать, человек с темным цветом кожи. Как раз такой, какой в Москве в толпе точно не затеряется...

Сразведкой у США был полный швах, они прокалывались на самых элементарных вещах.
– Свободно?

Водитель показал на место рядом с собой:

– Прыгай...

Непрерывно сигналив, он встроился в плотный автомобильный поток.

– Меня зовут Джо, мистер Пасевич сказал помочь тебе. Я уже договорился по квартире, район приличный. Студия, сорок метров, тут это нормально. Если платить долларами и налом – сделают скидку.

– Здесь что, запрещено доллары покупать?

– Нет, просто есть сложности. На обмен валюты – налог десять процентов. Очень невыгодно. Потому наличные доллары здесь любят.

– А рубли?

– Ну, если есть, их тоже примут. Здесь неплохо живет, ты не думай. Купить можно практически все.

Они встали в пробке.

– Повеселиться можно славно. Особенно с моим цветом кожи. Таких, как я, здесь немного, а местные девочки любят экзотику. Это в Нью-Йорке нос воротят, а здесь такие парни, как я, нарасхват. До этого я служил в консульстве в Пешаваре – вот это была ж. а, мужик. Сраные бородатые открыли на нас охоту, на улицу нельзя было показаться – а по пять раз в

день какой-то козел забирался на крышу неподалеку, доставал мегафон и начинал выть как гиена. Он специально это делал, понимаешь, чтобы жизни нам не давать. Один парень хотел снять его из винтовки, но сержант запретил.

Они снова попали в пробку... продвигались рывками.

– Парень, а ты кто... ты не похож на рыцаря плаща и кинжала.

– Кто я?! Я просто морской пехотинец, сэр. Живу в городе, здесь... ну, скажем, у меня культурная программа. Продвинутая. Кстати, может, завернем куда-то, пообедаем?

– Нет, давай в посольство.

– Как скажешь, мужик. Как скажешь.

Нет, все-таки полные идиоты. В их стране более пятисот национальностей, а они не могли подобрать для миссии в Россию человека с белым цветом кожи.

Рональд Пасевич – полуполяк, полуирландец, толстяк с короткой бородкой и очками в роговой оправе, начальник станции НТС в Москве – предложил садиться, налил кофе.

– Индия, – извиняющимся тоном сказал он. – Настоящей арабики нет уже две недели. Русские задержали груз... в порядке мелкой подлости.

– С русскими проблемы, сэр? – осведомился Шоу, отхлебывая необычный индийский кофе.

– С русскими всегда были проблемы. Мы не понимаем их, они не понимают нас. Главное – нет доверия. Ни на грамм. Есть десять процентов населения, которые любят Америку и готовы все для нас сделать, – и есть девяносто, которые нас ненавидят. Наши придурки в Вашингтоне почему-то думают, что можно привести первых к власти – и все будет ОК, хотя я убей не понимаю, как можно сделать так, чтобы десять процентов населения управляли оставшимися девяносто процентами и при этом сохранялась демократия. Я так понимаю, вы по нашему направлению скорее?

Шоу покачал головой:

– Не совсем, сэр. Скорее по линии Госдепа.

– ФБР. Странное прикрытие для Госдепа.

– Какое есть. Возможно, оно и эффективное, потому что странное.

Пасевич тоже отхлебнул кофе.

– Хорошо. Мне приказали оказать вам содействие – и я его окажу. Но если вы играете с закрытыми картами – мои так же будут закрыты.

– Сэр, пока мне нужно только жилье и какая-то работа в посольстве.

– Работа у вас уже есть. Джо поможет с жильем.

– Кстати, про Джо. Он бросается в глаза на улице, вам так не кажется?

– Разве? Это обаятельный малый с подвешенным языком. Он морской пехотинец, от него никто ничего не ждет.

– Странное прикрытие.

– Какое есть. Возможно, поэтому оно и эффективное. Никто не подумает, что человек с черным цветом кожи может шпионить в России. Русские относятся к темнокожим свысока. Расисты...

Шеф станции поболтал ложечкой в чашке.

– Вам нужно оружие?

– Нет...

– Хорошо. Будем считать, что я вам поверил на какое-то время. Тогда введу вас в курс дела. Мы сейчас находимся в центре страны, в которой девяносто процентов населения нас ненавидят. Для нас это не новость, южнее от этого места находятся страны, в которых нас ненавидит сто процентов населения. Но такой страны, как Россия, – нет. Эти люди не будут вас избивать или убивать, если вы не дадите им повода, но как только вы попробуете кого-

то завербовать – жди беды. Скорее всего, это контрразведка начала с вами игру – здесь она очень сильна. Еще одно: вы должны понимать, что большинство населения здесь действительно поддерживает правительство, их устраивает, как они живут.

– Я это понимаю...

– Вы не дослушали. Девяносто процентов населения – против нас, но это не самое худшее. Худшие – те, кто за нас. Они могут быть милыми, они свободно говорят по-английски, жили и учились в Европе или в США, но упаси вас бог поверить им хоть немного. Это изощренные лжецы, и они всегда преследуют свой интерес. За время, пока я работаю здесь, мы три раза пытались организовать нечто вроде студенческого сопротивления... не для того, чтобы устроить прямо сейчас массовые беспорядки, а как бы зародыш будущей демократизации страны. Все три попытки кончились катастрофой: во всех трех случаях деньги были израсходованы, но ничего не сделано, а в двух случаях эти же местные демократы и либералы сдали наших людей ФСБ, в обоих случаях – чтобы не отчитываться по деньгам. Они внешне такие же, как мы, они говорят так, как мы, они читают то же, что и мы, они мечтают о том же, о чем и мы, но за этим фасадом скрываются совершенно испорченные и развращенные люди, которым нельзя доверить тряпку в Макдоналдсе, чтобы мыть пол, – они ее украдут. Они способны на все. Один из моих людей едва не загремел за решетку по обвинению в изнасиловании несовершеннолетней – и это подстроили не ФСБ, а местные оппозиционеры. Поэтому, если Госдеп послал вас ради контактов с местной либеральной оппозицией, имейте это в виду. Никаких денег, по крайней мере на первое время, и предельная осторожность в контактах.

– Сэр. Я прибыл сюда не ради этого.

– Как знаете, – раздраженно сказал Пасевич. – Мне приказано оказать вам содействие, так что вот вам мой номер телефона. Я его меняю каждые две недели, новый узнавайте у Джо. Выучите наизусть. И сделайте так, чтобы мне не пришлось вас вытаскивать из неприятностей. Я и так здесь заработал язву...

Джо ждал в кафетерии посольства с бутылкой озонированной воды. Вид у него был кислый.

– Поехали смотреть недвижимость?

– Поехали. Кстати, доллары поменять не хочешь?..

Комната оказалась... обычной комнатой, примерно такая была у него в Вашингтоне, когда он студентом подрабатывал у политических воротил, пытаясь с пользой провести время, поднакопить визиток и пробиться. Мебель, конечно, не из «Икеи», но неплохая, не такая, какую рисуют в фильмах про коммунизм. Жалюзи вместо штор, ковровое покрытие, натяжной потолок и энергоэффективные лампы. Собственница помещения – точнее, риелтор – приехала на собственном «Порше Кайенн» и постоянно с кем-то нервно переговаривалась по телефону. Складывалось такое впечатление, что ей все равно – сдаст она комнату или нет. Ни один американский риелтор так не работал.

Получив за два месяца вперед, она выдала расписку и откланялась.

Когда риелтор отправилась дальше, Джо присел на кровати, занимавшей значительную площадь в комнате, попрыгал:

– Неплохо. Тебе пистолет нужен, парень?

– Я ж сказал, нет.

– Легче. Я же этого не слышал. А девочку?

– Какого черта?

– Ладно, – странный морской пехотинец посерьезнел, – тогда имей в виду вот что. Первое – в городе пропадают люди. Ходят слухи о «Белой стреле» – тайной правительственной организации, расправляющейся с неудобными: исламскими экстремистами, радикальными укра-

инцами, просто неугодными. О том, что в городе и за городом есть тайные тюрьмы и центры дознания. Как у нас. Только русские сделали это в собственной стране и с собственным народом. Вряд ли Большой брат целит в политическую оппозицию, но вот ты в группе риска, если начнешь совать нос куда ни попадя. Поэтому если за тобой будут следить, позвони мне. Как можно быстрее. Вот по этому телефону.

Он бросил телефон. Скотчем к нему был примотан аккумулятор и симка.

– Второе. По вечерам в городе небезопасно. Организованная преступность. Что-то вроде моих чернокожих братьев из нехорошего района, только еще круче. Чеченцы, дагестанцы, ингуши, таджики, узбеки. Сбиваются в организованные группы, грабят, могут порезать, силой заставить снимать деньги с кредиток. Если у тебя есть кредитки – установи лимит ежедневной выдачи. Не носи крупные суммы денег в кэше, золото, дорогие часы. С наступлением темноты лучше всего по городу не ходить, особенно около ночных клубов и тому подобных заведений. Если нужна будет девочка – просто позвони.

...

– Третье. Имей в виду – русские сильно продвинулись в последнее время в технологиях. На большинстве перекрестков стоят камеры, объединенные в единую сеть, они постоянно отслеживают дорожный поток. Все выезды с МКАД и Третьего транспортного контролируются круглые сутки. Мы подозреваем, что центр города напичкан камерами с функцией распознавания лиц. Над пригородными территориями постоянно патрулируют беспилотники. Поэтому купи ветровку с капюшоном или какой-то головной убор и не глазей по сторонам. А если влип – уходи дворами, на улицы не суйся, особенно центральные.

– Понял. Еще что-то?

Морской пехотинец встал.

– Нет, ничего. Удачи.

– И тебе. Спасибо.

– Вставь симку в аппарат. Он пока чистый.

Морской пехотинец кинул ключи от «Тойоты»:

– Она твоя. За козырьком – твои права и документы на машину. Они должны быть при тебе – особенно документы на машину. Предъявляй их дорожной полиции, как остановят. Здесь это обязательно.

...

– Все. Я пошел.

Когда за странным морским пехотинцем закрылась дверь – стальная, причем из хорошей стали, что для Америки очень непривычно, – Марк Уильям Шоу закрыл дверь на поворотную щеколду, затем прошел к единственному окну. Отодвинул жалюзи... окно выходило на тихую по московским меркам улочку, изнемогающую от непривычной здесь августовской жары.

Россия...

Интересно, они сами на него выйдут – или придется проявляться? Или послание не достигло адресата и все это впустую...

Отношение к России его самого было двойственным. С одной стороны, он видел в русских странных, закрытых и жестких людей, чья культура довольно сильно отличается от культуры его страны и которые представляют опасность для свободного мира. Они долгое время жили при диктатуре и почти во все время своего существования как народа жестоко воевали. В этом смысле их военный опыт и вообще готовность к войне были намного выше арабских... намного выше, наверное, чем у них, американцев. А война – ни к чему. С другой стороны, после 9/11 у них общий враг, и только дурак этого не видит. Возможно, когда-то они могли позволить себе это игнорировать, но не сейчас. Америка истекает кровью, и ей нужны реальные союзники, а не восточноевропейские страны, которые присылают в Афганистан одну-две роты.

Он – всего лишь посланник, живое письмо. Он не единственный – он знал, что есть еще, и кто-то рано или поздно доберется до адресата. До уровня, принимающего решения.

Им нужно просто сесть и поговорить. Без камер, без журналистов, без толкающего в спину общественного мнения. Те, кто призывает причинять России еще больше боли, забывают две вещи. Россия – единственная страна в мире, которая может за час стереть Америку с лица земли. Это первая. И вторая – они больше не могут себе позволить новых врагов. Ни одного лишнего врага они не могут себе позволить.

Зазвонил телефон – противный, нудный звонок. Он сначала не понял, откуда это; потом его взгляд сфокусировался на лежащей на кровати трубке. Это – его новый телефон.

– Алло.

– Похоже, за нами следили, – сказал Джо.

– Откуда ты знаешь?

– Во дворе стоит «мерс». Около него какой-то мужик. Осматривается.

...

– Вызвать полицию?

– Нет. Можешь прислать мне фотку?

– Сейчас...

Благо сейчас в каждом телефоне есть и фотоаппарат, и Интернет, позволяющий быстро пересылать фотки.

Увидев фотографию, Шоу грязно выругался. Посмотрел в окно, сам не зная зачем.

Телефон зазвонил снова.

– Ну? Вызывать полицию? Можно сказать, что у этого типа ствол.

– Нет. Не вздумай...

Место, где Марк Уильям Шоу решил снять себе квартиру, мне сообщил контакт от местного управления ФСБ. Откуда они узнали? Ну, я не интересовался, но думаю, что американская резидентура или станция, как они ее сами называют, под таким колпаком, что даже ворон, пролетевших над американским посольством, берут на учет.

Еще я взял свежий комплект документов на себя и документы на машину со свежими московскими номерами. Нечего тут светить ростовскими.

Простояв два часа в пробке, я все же добрался до нужного места. Это был двор некогда хрущобного микрорайона, сейчас застроенный апартаментами – то есть квартирами специально под сдачу. От старого здесь осталась сиротливая пятиэтажка и дворик, подобный тому, в котором когда-то рос я...

Припарковал машину рядом с побитым «Датсуном», моментально определил машину американца – «Тойота». Как? Во-первых, лишняя антенна – это, видимо, какой-то канал связи с посольством. Во-вторых, чистая. Только из мойки. Скорее всего, посольской: у них там машины каждый день моют и проверяют на жучки.

Что дальше?

Если ты не знаешь, в какой квартире проживает интересующий тебя субъект, решения есть разные. Начиная от «звонка другу», который в этом случае ничего не даст, квартира-то съемная, и заканчивая слежкой или даже вызовом полиции.

Посмотрел на часы. К вечеру дело. Вряд ли он пойдет вечером в город – скорее ляжет спать. А это значит – и я тут застрял на ночь. И хорошо, если он не выскользнет из квартиры ночью...

Но все решилось само собой.

Хлопнула дверь, выскочил фигурант. Пока я думал, привлекать ли мне внимание или, наоборот, сесть в машину и покинуть место действия, он осмотрелся и решительно направился ко мне.

Мне ничего не оставалось, как стоять и смотреть. Просто потому, что я не понимал, что происходит, на хрен...

Американец подлетел ко мне и вместо приветствия молча звезданул меня правой. И прилично звезданул...

– Б... да ты... чего...

– Fucking bastard!

– Bullshit!

– ...bastard!!!

– Ты же... убьешь его.

– Mother fucker!

– Успокойся! Дурак!

Наконец морскому пехотинцу, отчаявшемуся утихомирить разъяренного фэбээровца, удалось поймать его в захват и взять на болевой.

– Черт...

– Спокойно!

– Отпусти...

– Спокойно!

– Да отпусти...

Темнокожий морпех отпустил фэбээровца.

– Что на тебя нашло, на хрен? Ты его знаешь? За что ты его?!

– Сукин сын!

– Какого хрена?! Сюда, может быть, уже полиция едет! П...ц!

– Этот... сучий потрох убил... двоих наших!

– Что?!

– В Риге. Я его знаю. Он... из ФСБ.

– Твою мать, так все равно ни хрена нельзя!

За спиной раздался кашель, они оба повернулись. Русский, сидя у машины, сплюнул на землю кровь.

– Поговорим?

Украина, Киев. 11 августа 2020 года. Бандеровщина

Колонна машин, просквозив по полупустому Бориспольскому шоссе и оставив за собой блок-посты, срубленные под ноль деревья и многочисленные камеры наблюдения, ворвалась в Киев подобно коннице монгольских завоевателей. Почти не снижая скорости, ушли на развилке на генерала Кульчицкого⁸. Редкие машины жались к обочине даже несмотря на то, что мигалки не включали. На «шкодах» с затемненными окнами на Украине ездили очень опасные люди...

Машины остановились около бывшего здания РУВД. После люстрации большую часть милиционеров уволили, количество райотделов в Киеве сократили вдвое – к милиции даже те, кто стал сотрудниками спецслужб, испытывали почти классовую ненависть. Оставшиеся здания занимали бойцы Нацгвардии, отряды УНА-УНСО и сотрудники спецслужб – помещения не пустовали. Занимались здесь, в принципе, тем же самым, что и при милиции, только руководствовались не законом, а национальным чутьем и этнической ненавистью.

Бритый паренек с автоматом у входа, увидев начальство, вскочил:

– Слава Украине!

Приехавшие, не отвечая, прошли к лестнице. Здание, после того как из него выселили милицию, не знало даже косметического ремонта и постепенно приходило в упадок. На лестничных клетках окна помутнели от сигаретного дыма, часть стеклоблоков была повреждена или выбита. Несмотря на то что в воздухе висел свежий сигаретный дым, никого тут не было. Увидели подъезжающие машины и разбежались по кабинетам...

Они поднялись на четвертый, начальственный. Там – на единственном этаже – были переделки: в нескольких кабинетах сломали стены с соседними, увеличили их площадь. Дождь не только не унялся, но и пошел сильнее, стегая по окнам мутной водой...

У одной из дверей гость неожиданно задержался, прислушался. За дверью – судя по звукам – кого-то избивали, и чей-то сорванный голос харкал ненавистью, перемежаясь сочными звуками ударов.

– Кому належыт Крым?! Кому належыт Крым, с...а?! – Брат! – позвал Дід, отпирая дверь своего кабинета. – Заходи, чего встал. Сейчас чаю принесут...

Чай был вкусным. Кабинет – пустым, заброшенным. Не было в нем той невидимой человеческой ауры, которая присутствует в обжитых людьми местах. Стол; в беспорядке – стулья: очевидно, их принесли сюда для какой-то летучки и даже не потрудились потом выстроить в ряд. На стене – сиротливо висел Бандера, но не официальный портрет, а выполненный карандашом рисунок, даже набросок...

– Пацан один подарил, – перехватил Дід взгляд гостя, – один из первых. Сказал, когда выпускался: жаль, что я про героев так мало знаю.

...

– Лег он под Мариуполем. Еще в четырнадцатом.

– Да примет его Аллах...

Дід попробовал губами чай:

– Горячий. Ты что, правоверным заделался?

– Я всегда им и был. Тяжело без веры.

– То так. Со священником легче. Только вера у нас другая, ты уж извини.

⁸ Сейчас этот проспект носит имя генерала Григоренко. Генерал Кульчицкий – один из основателей новой Национальной Гвардии, погиб в самом начале АТО в сбитом вертолете. По некоторым данным, вертолет сбили свои.

– За что? Вера... она в конечном итоге к одному сводится – к справедливости. Есть справедливость – есть и вера. Люди в несправедливость верить не будут. Вот в Сирии – ты думаешь, там другие люди? Те же самые. Только они Аллаху молятся, а вы – Христу. Но просят одного и того же. Свободы. Справедливости. Конца тирании.

– Говорят, совсем плохо там.

– Плохо... там уже много лет плохо. Хуже, чем есть – уже не бывать.

– Наши есть там?

– Есть и ваши. Крымских татар много – целый джамаат создали. Инструкторы ваши есть. Дюже добры ребята.

– А москали?

– Москали? Ты бы поосторожнее с этим словом, москали разные бывают. На стороне тагута их полно, и инструкторы, и спецназ: говорят, что после подрыва в Дамаске тагут своим не доверяет вообще, у него вся охрана из русских. А есть и с нашей стороны русские. Лучше бойцов нет, даже чеченцы не такие...

Дід отодвинув кружку в сторону.

– Помощь нам нужна.

– Понятное дело.

– Нам надо решить вопрос до осени. Если не решим – нам крышка. Во...

...

– Недавно инфа пришла. Американцы решили нас сдать... в обмен на контракты. Польша, прибалты, еще кое-кто в Европе – за нас, но... сам понимаешь. Им своя рубашка ближе к телу, в одиночку они нас поддерживать не станут. Вопрос надо решать. До конца осени.

– Решать? Как ты видишь это решение?

Дід помедлил. Но все же решил сказать:

– У нас уран был. Мы хотели из него бомбы сделать.

– А потом?

– Потом заложить в кацапии, отравить их месторождения.

Гость достал четки, начал перебрасывать их в пальцах.

– И что?

– Что-что. Телевизор не смотришь? Кацапы удар по нам нанесли. Разбили лагерь, и что самое худшее...

Дід достал смартфон, порылся в памяти, толкнул по столу.

– Андрий Брыш. Полковник, очень опытный хлопак⁹, прошел спецподготовку. Был в одном из лагерей, у него была большая часть информации по плану. После бомбежки мы не нашли его ни в числе мертвых, ни в числе выживших. Остается только одно: его взяли кацапы.

...

– И теперь плана нет. Никакого. Все наши наработки...

Дід матерно выругался:

– В ж...

...

– Что молчишь?

– Нехорошо делаете.

– Что?

– Нехорошо делаете. В России на севере есть мусульмане. Сама нефть, газ тоже чего-то стоят. Нехорошо.

– А нам что делать, брат? Нас, как гандон использованный, в унитаз кинули и сейчас солят! Делать что?

⁹ Нетипичное выражение, в переводе с польского – парень.

– Я вот сюда шел, слышал – человека бьют. Кричат – кому принадлежит Крым. Как думаешь, помогает?

– А... балбесы. Думают, что что-то изменят так.

– ...зрада кругом.

– То-то и оно. Завтра вы новый план сделаете – какой-то зрадник опять найдется. Думаешь, не найдется?

– Найдется, как не так. Мы, кстати, даже на мусульман выходили... из Тюмени как раз. Помощи просили.

– Они-то вас и сдали, скорее всего. В России все экстремисты – под колпаком. Даже русские – и то под колпаком.

– И что делать?

Гость жестом показал, чтобы принесли чаю. Когда чаю принесли – заговорил:

– Запад за вас впрягаться не будет. Они всегда приходят на готовое. Если вы покажете, что одерживаете победу – они будут за вас. Если не покажете – сольют. Они как шакалы. Приходят только на труп...

– И что нам делать? С Россией воевать?

– Зачем воевать? С Россией вам воевать не надо...

Москва, Воробьевы горы. Вечер 19 августа 2020 года

*Квартира пуста, но мы здесь.
Здесь мало что есть, но мы есть.*

Виктор Цой

Один из первых доверительных контактов между российской и американской разведкой состоялся в этот день, точнее – вечер, на смотровой площадке на Воробьевых горах, одном из наиболее приметных мест Москвы. Это возвышенность, с которой отлично видна панорама старого центра города. Здесь просто было затеряться – поэтому мы выбрали именно ее...

Уже стемнело. Закончился рабочий день и большинство менеджеров добрались до своей двушки в десяти минутах от метро, купленной в ипотеку, а те, на кого они работали, только пообедали и оделись для выхода в свет. На самом деле было две Москвы. Первая – уныло-суевливая, с суетой супермаркетов и едва слышным шелестом компьютера на своем рабочем месте, работающая с девяти до шести (в Москве по-другому не работают, слишком много времени уходит на дорогу), ненавидящая свою работу и то, чем она является, и вымирающая по вечерам пятницы, чтобы снова ожить вечером воскресенья. И вторая – прожженно-деловая, пронизанная иглами светящихся небоскребов чернильную тень неба, Москва без законов и правил, Москва, где принимается во внимание лишь количество денег и все, у кого нет миллиарда, могут идти в известное место. Эта Москва просыпается к двенадцати, к часу-двум появляется на своем рабочем месте, а засыпает в пять-шесть утра, эта Москва мыслит широко и чужое делает своим тысячей разных способов. Здесь не думают о будущем и на последние деньги покупают «Порше Кайенн», чтобы выглядеть, здесь долги отдают трусы, а решения суда исполняют дураки. Именно эта Москва сейчас вступала в свои права: разукрашенные девицы и рев моторов драг-рейсеров. Ночью будет жарко...

Американцы аккуратно припарковались рядом с моим «геликом». По местным меркам, по меркам второй Москвы, их тачка – отстой. В то время как моя – котируется, хотя и не в моде, как и мужественность вообще. На таких тачках в Москве ездят не сами олигархи, а те, кто решает для них вопросы. И неважно, как именно. Темнокожий предусмотрительно отошел в сторону, устоял на машины гонщиков.

Смотровая площадка. Рев моторов и целующиеся парочки. Мягкий свет дорогих жилых комплексов... там живут те, кто определенно добился успеха, но еще не поймал Бога за бороду. Две машины: главе семейства – внедорожник, жене – какую-нибудь до двадцати тысяч. На этом уровне покупают в ипотеку уже не квартиру в Москве, а коттедж по Рижке, не слишком близко, конечно, или таунхаус. Дети – в частном садике с китайским или английским уклоном, в перспективе – обучение в Англии, Гонконге или Шанхае.

Это то, от чего я когда-то отказался ради права и возможности умереть за то, за что сочту нужным...

А это... конечно, прилетело сильно, но без переломов. Пара зубов шатается. Меня еще не так били. Но сейчас – я подставился сознательно. Иногда противнику надо дать одержать символическую победу, чтобы потом говорить без обид. В свое время это не поняли в Киеве: если бы они дали Донбассу одержать какую-нибудь символическую победу холодным летом две тысячи четырнадцатого – например, дали бы особый статус, временно бы позволили оставлять налоги, признали бы их право говорить на русском – многое было бы по-другому.

Но нет. Вместо того чтобы дать что-то символическое, что потом можно и отнять с утратой остроты ситуации, начали войну. И отнимать начали уже жизни. А жизнь обратно не вернешь и назад не отыграешь.

– Красиво...

– Какого черта ты сделал?

– О чем ты? – я достал салфетку и начал протирать лицо.

Американец – схватил меня за грудки, а второй... – они что, реально такие идиоты, чтобы направить гм... негра работать в московской резидентуре, – второй подскочил и взял его за плечи, чтобы не дать драться...

– О Риге. Ты убил двоих парней.

– Да? А перед этим – вы убили двенадцать. Как насчет этого? Или жизни русских меньше стоят, чем жизни американцев?

– Да отвали ты!

Негр убрал руки, снова отошел в сторону. Он неосмотрительно тогда себя повел... я мог и не знать, что он понимает и говорит по-русски. Теперь знаю.

...

– Ну? Есть ответ?

– Это были не мы.

– Что значит – не вы? – Шоу тут допустил ошибку, применив слабый аргумент: кто меня допрашивал? Не вы? Кто макал головой в таз? Не вы?

– Напомнить, что вы сделали с Украиной?

Я покачал головой.

– Ты ничего не знаешь про Украину. Ты что, думаешь, приехал из Вашингтона со своим мнением – и все вокруг тебя закрутилось? Ты ничего не знаешь ни об Украине, ни о нас. Мы – те, кто загнал фашизм туда, где ему и следует находиться. Потом мы заперли дверь и встали стражей у нее. Мы – стражи врат. И никому, кроме нас, не дано решать, что делать, чтобы эти твари снова не вырвались наружу.

Я ждал, что Шоу выйдет из себя. Но он остался спокойным – возможно, он более опытен, чем я предполагал. Надо держать это в уме.

– Звучит мелодраматично и неискренне.

– Как раз искренне. Вы не пережили того, что пережили мы. Вы не потеряли от фашизма двадцать пять миллионов.

– Это не дает вам права...

– Что?! – перебил его я. – Решать, как жить Украине или украинцам? А ничего, что второго мая две тысячи четырнадцатого простые молодые люди – самые обыкновенные, чуть сорванные, но обыкновенные, такие, каких и в вашей, и в любой другой стране полно – загнали других людей, в основном старше их, много и женщин было, в Дом профсоюзов в Одессе и подожгли? Это были не специально подготовленные убийцы, не каратели из СС, прошедшие процедуру инициации, – обычные молодые ребята. А еще полмиллиона других на следующий день смеялись в Интернете и пускали шуточки про жареных колорадов. Некоторые просто шутили, некоторые потом специально приезжали в Одессу и фотографировались на фоне сгоревшего здания. Знаешь, когда я принял решение, Марк? Не утром того дня, когда узнал о случившемся. А позже, когда я увидел, как они на это отреагировали. Они виновны. Виновны, Марк. Если не все – то большинство. Как в свое время виновны были фашисты. И то, что происходит, – это наказание. И это – пока еще мягкое наказание...

...

– И это дает нам право – решать.

...

– Я ответил тебе на вопрос, почему я тебе не поверил?

Марк хотел что-то сказать, но я опередил:

– Знаешь, я никогда не ненавидел ни Запад, ни Америку. Честно. Но в данном случае... вы показали себя во всей красе. Мы оба знаем, что негодяи – ультранационалисты – сожгли заживо людей в Одессе, совершили много других злодеяний, а теперь они пришли к власти. Благодаря вам, Марк, – именно вы привели их к власти, именно вы оказывали на нас все давление, какое только возможно. Мы оба знаем, что «Боинг» был сбит украинской ракетой и украинцы сделали это умышленно. Они совершили умышленное убийство, а вы умышленно стали его соучастниками, приняв решение скрыть и исказить факты. Потому что факты были очень неудобны. Они мешали вам, и вы их исказили. Вы долгое время закрывали глаза на происходящее и дозакрывались до того, что был убит американский посол. Когда-то давно вы казались нам образцом, на который надо равняться. Судьей, имеющим право судить. Но теперь вы – не более чем соучастники. И я вам не верю.

– Черт...

– Вот именно.

Мы помолчали, слушая пульсирующий рев моторов.

– Мир.

– Мир? – переспросил я.

– Мир, – подтвердил Марк. – Я прибыл с тем, чтобы предложить вам мир.

– Какой мир? Нам уже предлагали мир. Минский, Вильнюсский, Хельсинкский процессы – забыл?

– На сей раз – все серьезно. Мир заключается в том, что мы снимаем все санкции. И заранее отказываемся их вводить, что бы вы ни сделали с Украиной дальше. Это – ваша зона интересов. Делайте что хотите.

– Звучит мелодраматично и неискренне. Как провокация для введения очередного по счету пакета санкций.

– Это правда! – разозлился Шоу. – Ты что, не понимаешь? Ни мы, ни вы больше не можем позволить себе враждовать. У вас – ситуация на грани социального взрыва. У нас и в Европе – немногим лучше. Мы больше не можем себе позволить противостоять друг другу. Пришла пора принимать стратегические решения. Кто-то должен открыть Россию – как Никсон в свое время открыл Китай.

Странно, но я думал, в общем-то, так же. Но думал, а не говорил.

– Две ошибки, – сказал я. – Первая: у нас ситуация не на грани социального взрыва. И если власть сменится, то на более консервативную. Потому что мы не слепые. Знаешь... если вы мечтали насадить у нас демократию, то я вас поздравляю. Нет лучшего средства против демократии в России, чем ежедневная программа теленовостей, где рассказывают про Украину. Хоть немного, но рассказывают. Посмотрел это – и при слове «демократия» у тебя чешутся руки.

– А какая вторая?

– Вторая в том, что мы можем позволить себе враждовать. Мы столетиями жили в ожидании нашествия из Европы. Поживем и еще.

– Как бы то ни было – я сейчас искренен. Мы – сейчас искренни.

– Кто это – мы?

– Новая команда в Вашингтоне. Извини, никаких имен.

– А почему ты решил передать это послание через меня?

– Потому что я один из многих. Послание все равно дойдет. Вопрос в сроках.

– Этого не хватало. Скорее всего, об этом уже знают в Киеве.

...

Хотелось поверить. Если честно – хотелось. Мы все очень устали. Мы просто хотим, чтобы это все кончилось, вот и все. Многие хотят.

– Сделаем так. Мне нужен показ.

– Показ?

– Да.

– Что это?

– Ты не знаешь, что такое показ?

– Нет.

– Парень, ты откуда? – искренне удивился я.

– Я из ФБР, – сказал Шоу, – отдел по борьбе с терроризмом.

– Вот как?

– Да, именно так! Может, я не знаю ваши штучки...

– Проехали, – перебил я. – Тогда слушай. Показ – это нечто такое, чего нельзя сделать без связей в самых верхах. Понимаешь?

– В общих чертах.

– Я прошу тебя сделать это. Если ты это делаешь, ты доказываешь мне, что с тобой можно иметь дело. Если нет – о чем дальше разговор?

– Окей. И о чем идет речь?

Я подумал.

– Сейчас.

Набрал телефон Сереги. Тот взял не сразу, фоном гремела музыка.

– Алло...

– Разговор есть. В туалет выйди.

– Братишка, ты... Перезвони завтра, не могу говорить...

Я набрал снова. С ходу сказал:

– Еще раз бросишь трубку – ищи другую шестерку за вами разгребать. Выйди в туалет, разговор есть, прямо сейчас. Совсем мозги пропил?

– Лады...

Снова музыка, недовольные женские голоса... мужской. Музыка... как люди слушают эту мерзость.

– Да... але.

– Есть банк на примете санкционный? Или фирма?

– Банк... ну ты даешь... ты чего, деньги заморозил...

– Мозги включай. Контакты есть? Кому надо санкции срочно снять, и кто за это готов прямо сейчас выложить наличкой. Давай, не тормози...

– Ну... – неуверенно сказал Серега, – можно в пару мест позвонить.

– Так звони. Для чего человеку телефон дан? Звони.

– Люди спят все. Или отдыхают. До завтра не ждет?

– Вот так вы страну и просираете. Нет, не ждет.

– Ладно, – Серега окончательно врубился, – не пыли. В чем тема, конкретно?

– Конкретно – ты называешь мне фирму или банк, которые хотят выйти из американских санкционных списков. Я вывожу. Они башляют. Сколько – реши сам, но не продешеви.

– Чо, серьезно?

– А ты думаешь, я по пьяни треплюсь? Десяти минут хватит?

– Час.

– Минут двадцать. Не больше. Тут у меня человек сидит.

– Добро.

В трубке загудели гудки отбоя, Шоу внимательно смотрел на меня. За нашими спинами бесновались моторы машин.

- И?
- Сейчас перезвонят. Минут двадцать.
- В чем суть?
- Я называю фирму. Ты снимаешь с нее санкции.
- То есть?
- Санкции, санкции. Ваш Минюст... или Госдеп, или кто там у вас, держит нас под санкциями. Я тебе назову отдельную конкретную фирму. Ты звонишь в Вашингтон и говоришь, чтобы ее вывели из санкционных списков. Сроку – три дня. Если сделаешь – я поверю, что ты серьезный парень с серьезными связями. Нет – до свидания.
- Что это за фирма?
- Пока не знаю. Друган вот перезвонит. Он назовет.
- Шоу стукнул кулаком по ограде:
- Это так просто не делается.
- Почему?
- В санкционные списки просто так не попадают. И для того чтобы из них выйти, нужны не менее веские основания.
- Ну вот, эти веские основания у тебя и есть, я правильно понимаю?
- Нет, ты не понимаешь. В Вашингтоне практически никакое решение не принимается одним человеком.
- Я в упор посмотрел на американца:
- Тогда какой смысл нам с вами сотрудничать, если вы и решение принять не можете? Американец не нашелся, что ответить. Я победил – пока и просто в словесной дуэли...
- Серый перезвонил быстро.
- Ты реально это можешь? Без гонева?
- Вот сейчас и проверим. Ты что – теряешь что-то?
- Да как сказать, – сказал Серега, – в таких делах кидать чревато. Ладно, пиши.
- Я записал в блокнот.
- Все?
- Все. Завтра жди новостей.
- Надеюсь, хороших... – Серега положил трубку.
- Я вырвал лист из блокнота и отдал его американцу.
- Вот этот банк. С него санкции должны быть сняты. Да – разговариваем дальше. Нет – разбегаемся.
- Марк озабоченно посмотрел на бумажку, сложил ее и сунул в карман.
- Какие мои гарантии?
- Я пожал плечами:
- Никаких.
- ...
- Ты вышел на меня или я на тебя? Если бы мне от тебя что-то было нужно, это я бы тебе предъявлял верительные грамоты. А так – извини. Ход за тобой.
- Вы неправильно себя ведете.
- Ага, – расслабленно сказал я. – Да... еще одно.
- Что именно?
- У тебя есть контакты в военной медицине?
- Военной медицине?
- Ну да. Такой... армейской, специализирующейся на тяжелых травмах.
- Можно поискать. А что?

– Надо сделать протезирование. По высшему разряду. Женщина, двадцать три года. Ампутация левой ноги ниже колена. Надо поставить биопротез, ну, какие вы ставите своим солдатам.

– Я понял... это сложная операция.

– Я понимаю. Но мы простыми вещами и не занимаемся. Верно?

Шоу какое-то время переваривал все это.

– Это что... показ?

– Нет. Личная услуга. Но я буду очень рад, если ты окажешь ее мне. Окей? Просто... из чувства общности людей.

Сергея позвонил в середине следующего дня. Я только проснулся... уснуть не удавалось всю ночь, был «на гоне», да и кошмары не давали уснуть. Кошмары мучили меня давно... но обычно для того, чтобы не видеть кошмаров, надо было спать на боку... почему-то если я спал на спине – то кошмар был почти гарантирован.

Но сейчас кошмары приходили почти каждую ночь.

Договорились встретиться в том же месте, на Манежке. Я немного опоздал... ничего подозрительного у бара я не заметил... Сергей уже был там, лыбящийся, как после приема в пионеры. Ни слова не говоря, он толкнул мне под столом простую, без маркировок, спортивную сумку на молнии.

– Это чего? – кивнул я на сумку.

– Твоя доля. С банком, – Сергей явно места себе не находил, – ну, ты дал. Конкретно круто.

– Сколько?

– Триста. Извини, надо было сразу предупреждать, было бы больше. А еще так можешь?

– Посмотрим.

– Ну, заипца. Гребем бабло лопатой...

– Это не супермаркет.

– А почему нет? Смотри, это я... мы с тобой за один вечер подняли. Если у тебя есть конкретные концы в Вашингтоне, это реально круто, есть проблемы, за решение которых десятков лямов отстегнут, без вопросов. А?

Я поднялся... бросил сумку на плечо.

– Я позвоню, окей?

– Не теряй тему... – разочарованно сказал Сергей.

Но я уже уходил...

Часть денег я перекинул на счет Фонда помощи беженцам Новороссии. Часть раскидал по счетам: это будет мой оперативный резерв. На расходы.

Не подумайте, что я какой-то там... филантроп или что-то еще. Просто ты должен поступать правильно, чтобы находиться на правильной стороне истории. И лишь один неправильный поступок может поставить тебя на кривую дорожку, с которой уже не сойти...

Вот такая вот... фронтовая философия. Не гневи Бога... не надо.

Зарисовки

Киев, Борисоглебская, 18. Здание генеральной прокуратуры Украины. 19 августа 2020 года

*А в конце дороги той
Плаха с топорами...*

Владимир Высоцкий

– Наручники оставить, пан следователь? – осведомился здоровенный битюг из Нацгвардии, старший конвоя.

– Снимите...

Следователь – среднего роста, с усталым, жестким лицом, похожий на кацапского актера Володимира Машкова, – курил, стоя у окна. Окно выходило на двор, заставленный транспортом, вперемешку служебным и личным, и на строящееся новое здание...

– Мы за дверью, пан следователь, если что, – сказал гвардеец, больше для задержанного, чем для следователя, и, видя, что следак не обращает на него внимания, аккуратно прикрыл за собой дверь.

Пока задержанный разминал запястья, следак докурил дешевую сигарету, к которым привык с фронта, прикрыл окно. Сел за компьютер, не глядя на задержанного, и, ни о чем не спрашивая, принялся заполнять шапку протокола допроса...

– ...на каком языке желаете давать показания?

Задержанный криво усмехнулся:

– На державной мове, на каком же. Не на кацапском же...

Следователь смерил его взглядом, но ничего не сказал и продолжил печатать.

Закончив с заполнением шапки, он подвинул в сторону задержанного небольшой микрофон, подцепил шнур, ведущий от него к компьютеру через переходник. Направил за задержанного глазок веб-камеры.

– ...Девятнадцатое августа двадцатого года, Киев, здание Генеральной прокуратуры Украины, адрес: город Киев, улица Борисоглебская, восемнадцать, кабинет триста одиннадцать, – следователь посмотрел на время, – время пятнадцать часов тридцать одна минута. Мною, старшим следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры Украины Борисенко Олександром Геннадьевичем, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Украины проводится допрос... – следователь запнулся, но тут же продолжил: – Заместителя министра внутренних дел Украины Квача Володимира Петровича, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного статьей триста шестьдесят восемь Уголовного кодекса Украины, – получение взятки. Учитывая тот факт, что подозреваемый является государственным служащим второй категории, данное преступление может быть квалифицировано по части третьей указанной статьи: получение взятки особо ответственным должностным лицом. Для фиксации хода допроса используются средства материально-технического обеспечения, а именно – веб-камера СМОС и веб-микрофон «Райантс», подключенные к компьютеру АМД. Полученная в ходе допроса звуковая и визуальная информация записывается на DVD-диск марки «Самсунг», который по окончании допроса будет извлечен из компьютера и помещен в пакет, опечатанный печатью следователя...

Пока следак каким-то усталым и безразличным голосом произносил все это, задержанный с интересом осматривал кабинет. Кабинет как кабинет – довольно бедненький; хорошо, что больше в нем никто не сидит. Сейф, наверняка помнящий еще времена Руденко¹⁰, мебель, купленная спонсорами в более благополучные времена; календарь «Приват-банка». Единственное, что выделялось из канцелярской обстановки кабинета, – это висящая на стене фанерина. Примерно тридцать на сорок размерами, с обугленным с одной стороны краем, на ней было выжжено «Беркут. Крым» и какие-то наивные стихи...

Следователь тем же усталым и безразличным голосом зачитал задержанному его права, спросил, нужен ли ему адвокат. Тот усмехнулся:

– Саш, горячку не пори. Все равно же – и до вечера я тут не просижу.

– При обыске принадлежащей вам квартиры в Киеве по адресу улица Суворова, одиннадцать были обнаружены наличные денежные средства, в том числе один миллион триста семьдесят три тысячи долларов США, восемьсот одиннадцать тысяч евро, три миллиона сто восемнадцать тысяч швейцарских франков. Большая часть денежных средств была в банковской пластиковой упаковке. Вы отказались дать пояснения, откуда у вас эти деньги. Сейчас вы так же отказываетесь?

Задержанный кивнул.

– В таком случае я вынужден зачитать вам показания вашего подчиненного, полковника Олеса Бирюка, который на допросе заявил: «После своего назначения начальником милиции Печерского района города Киева я быстро понял, что существует коррупционная схема, в которую вовлечены большинство сотрудников РУВД. На следующий день после моего назначения ко мне в кабинет без вызова явились начальник УУР майор милиции Панской Игорь Володимирович и его подчиненный, капитан милиции Бурко Димитрий Григорьевич, и потребовали, чтобы я передал им двести тысяч долларов США для заместителя министра внутренних дел Квача в качестве платы за мое назначение, в противном случае они угрожали мне «неприятностями». Когда я категорически отказался и потребовал от них выйти из кабинета, они сказали, что у меня есть полмесяца на сбор денег и лучше мне их собрать, если я не хочу кончить как Закутный. Я знал о том, что полковник милиции Закутный – из главка МВД – был убит неизвестными и дело до сих пор не раскрыто.

Когда я сообщил о факте вымогательства взятки своему непосредственному начальнику в Министерстве внутренних дел, генералу милиции Пасюку Олегу Всеволодовичу, он сказал, что примет меры. Однако никаких мер принято не было, а в отношении меня и возглавляемого мной подразделения началась внеплановая служебная проверка деятельности. Через несколько дней мне официально сообщили, что в отношении меня ведется расследование СБУ по факту нелояльности, а супруга сообщила, что в школу приходили неизвестные, предъявили удостоверения сотрудников милиции и интересовались нашей дочерью Дарьей.

Поняв, что дальнейшие действия влекут угрозу для моей семьи, я вызвал в кабинет Панского и сказал, что был неправ в отношении него. Он извинился передо мной за нарушение субординации и сказал, что со сбором денег проблем не будет и, кроме того, часть от собираемых «с земли» денег будет оставаться у меня, как у начальника РУВД. Панской сказал, что я, как начальник РУВД, могу рассчитывать на двадцать-тридцать тысяч долларов США в месяц, после того как расплачусь с Квачом за свое назначение. После того как передал Панскому первые деньги – служебное расследование деятельности РУВД, а также расследование СБУ в отношении меня были прекращены без объяснения причин...»

Следователь посмотрел на задержанного:

– Вы подтверждаете, что получали деньги от Бирюка?

– Нет.

¹⁰ Генеральный прокурор СССР при Хрущеве и Брежневе, главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе.

– В таком случае как у вас в квартире оказались такие деньги? Ваша зарплата составляет чуть более ста тысяч гривен.

– Саш, ты же меня знаешь. Накопил потихоньку.

– Вы подтверждаете показания полковника Бирюка?

– Нет.

– В таком случае кому Бирюк передавал деньги?

Задержанный пожал плечами:

– Я почему знаю? Может, своим подчиненным. Панской, насколько я помню, свалил? Вот у него и надо было бы спросить.

– Панской пропал без вести.

– Саш, ты же знаешь: он в Приднестровье, делает себе российский паспорт. Сделает – и аля улю.

– Кроме Бирюка, еще один начальник РУВД дал признательные показания. Зачитать?

Задержанный скривился:

– Кто?

– Тищенко.

– Ты лучше поинтересуйся у него, почему он квартиру в центре Вены купил. Тищенко. Да, Тищенко на короткой ноге с такими тузами, что это не он мне, а я ему платить должен. Тищенко... ага, как же.

– Тищенко задержан.

Задержанный усмехнулся:

– Тищенко? Да в жизнь не поверю.

– Тищенко задержан, и его уже везут сюда.

– Ну и дурак, – отреагировал задержанный, – сломал жизнь.

...

– Ты что творишь, дурик, – задержанный наклонился вперед, – ты что, не въезжаешь? Ты поди в связке с СБУ работаешь, так? С их оперативным обеспечением?

...

– Они тебя втемную играют. Ты чо – в натуре не понимаешь? У них Мельника грохнули, он с Абу Маленького имел и наверх передавал. Как Мельника не стало – а он тот еще фрукт был, – с Абу Маленького мы получать стали. И наверх передавать – а наверху все равно, от кого брать. Вот они и лютуют, жалом водят. Только знаешь чего...

...

– Они сами – по уши в дерьме. Их самих завтра за жабры возьмут. Там через одного – засланные казачки. Наркотой банчат. Детишек на органы разбирают. Всякой радиоактивной заразой из черновыльської зоны барыжат. За то, что я здесь сижу, завтра на Владимирской бошки полетят. А заодно и твоя слетит. Не на тех ставишь, роевой...

Следователь дернулся:

– Допрос окончен, пятнадцать пятьдесят одна.

Под ироничным взглядом своего бывшего майдановського сотника – а позднее и командира, – он собрал аппаратуру. Выдернул шнур. Тихо спросил:

– Ты чего? Володя?

Задержанный скривился:

– Хочешь на доверку взять? Ой не стоит. Там, где ты этому учился, я преподавал...

Следователь снова встал. Открыл окно. В кабинет ворвался шум с улицы. Гудки машин, стук мимолетного дождя об подоконник.

– Володь...

...

– Мы же с тобой... помнишь, как «Беркут» в атаку пошел.

– Вот не надо, а!

– Я тогда весь вымок до нитки, ты тоже... а не заболели... хотя дубак тогда был... градусов пятнадцать. А в тот день... помнишь, в парке? Ты меня в подъезд затащил, титушки мимо пробежали...

– Ты чего хочешь?..

– А Мариуполь помнишь? Краматорск...

Генерал цинично усмехнулся:

– Пишешь?

Следователь покачал головой:

– Ничего я не пишу, Володь. Помнишь, в палатке второй сотни... о чем мы говорили? Там Дик был... он загинал потом.

...

– Мы говорили о том, что вся страна разворована. Помнишь Степу? Он русский был. А за Украину загинал. Ты тогда на него показал и сказал: это не русские страну разворовали. Это мы ее разворовали.

...

– Сотник... Тебе что – так деньги были нужны? Зачем ты их взял? Ну ладно, купил там машину, квартиру... это бы я смог понять. Не принял бы, конечно, но понять смог бы. Все один раз живем, мне государство в прошлом году квартиру дало, все по съемным мыкался, хотя как ветеран АТО... Но у тебя же есть... Эти доллары... зачем они тебе, зачем ты их под ванной держал?

Генерал долго молчал. Потом спросил:

– Точно не пишешь?

...

– Ладно, хрен с тобой. Все равно сейчас с Банковой позвонят, а время чем-то надо занять. Что, думаешь, я такой п...р? Товарищей предал и все такое?

– Я думаю, ты... болен, сотник.

– Ага. Воспалением седалища. Это система. Понимаешь, Саш. Система. Мы тогда сопляки были... не понимали. Вот скажи: кто был в нашей сотне? – Не ожидая ответа, генерал продолжил: – Студенты в основном. Всякая шпана неприкаянная. Опыта руководства – ноль целых хрен десятых. И то, что мы тогда говорили, все это – тьфу. Плюнуть и растереть. Я только когда работать начал, понял: все правильно. Не мы систему ставили. И не нам ее ломать.

...

– Вот скажи – милиция. Ментовка, – сказал генерал, явно любуясь этим словом, – кто туда идет, скажи? Кто туда должен идти? И сколько эти люди должны зарабатывать?

...

– Ты помнишь, что было после Майдана? Оперсостав разогнали, гопота из всех щелей повылазила... тьма. Полковник получал долларов двести, даже меньше, – это что, деньги, что ли? На такие деньги жить можно? А самое главное – в ментовке должны работать волки. Санитары леса. Которые, как проголодаются, барана, конечно, на обед зарежут, но сверх этого – ни-ни. И всякая шваль... те же ватники – будут ниже плинтуса. Вот скажи, пока я замминистра, много вата в Киеве, да и вообще, выступала?

...

– И как, по-твоему, я этого добился? Не расстреливая через одного, как в Донецке? А все просто, Сань. У меня – волки. Они свою землю знают, кто чем дышит, кто чем банчит. Отдал приказ – пошли, поговорили со всеми колорадами на земле, мол, если вы там хотите на аквафреш¹¹ драть – дело ваше, но не надо с этим на улицу выходить. И вообще – возбухать

¹¹ Жаргонное название русского флага у бандеровцев.

не надо. Чревато. И все... Все довольны, все гогочут. И никаких беспределов – как в Донбассе, которые нам до сих пор икаются. Даже не замочили никого. Как это е...ное СБУ, которым дай волю, они пол-Киева закроют.

...

– Но вот скажи, Саш. Какого черта вот эти вот волки должны работать на меня за две сотни долларов зарплаты, а? Почему бы им не пойти в рэкет, скажем?

– И ты сам стал рэкетиром...

Генерал откинулся на стуле.

– Не я стал, Саш. Система такая. Либо ты ей соответствуешь, либо – досвидос. Вы уже попытались по-своему рулить. Под Донецком, под Харьковом, под Луганском, под Одессой – сколько ям оставили? А? Сам поди не знаешь? А ведь отвечать придется. Сколько пацанов в землю положили? Революционеры, б...

Генерал наклонился вперед... они оба – и следователь, и задержанный – давно перешли на с детства знакомый и привычный в общении русский и даже не замечали этого.

– Вот скажи мне, как я должен рулить системой без этого – а? На мое место встань. Бизнеров все равно будут обирать, не мы – так синие¹². И все те пацаны, которые в Киеве порядок обеспечивают, переметнутся к синякам. А я останусь с шоблой неприкаянной, которая по жизни с женой справиться не может, не то что с криминальной обстановкой в городе. А с теми же начальниками РУВД мне как прикажешь быть? Как обеспечивать управляемость – при том, что половина по жизни контуженная, у каждого свои тараканы в голове. А так – каждый знает, сколько он должен наверх отстегнуть. И что будет, если он не отстегнет. И если он будет хорошо работать, то остальное – ему. А если на его земле головняки будут – то он вылетит из системы вверх тормашками и будет кто-то другой. Так что каждый кровно заинтересован в том, чтобы поддерживать на своей земле порядок. И получает при этом достаточно, чтобы не идти в рэкет или в какую иную движуху.

...

– Ты помнишь обстановку несколько лет назад? На улицу было не выйти. В квартиры вламывались, каждое утро по городу по десять-пятнадцать трупешников собирали. По Банковой из миномета засандалили. Стволов в городе – что грязи. А теперь? У меня за прошлый год по тяжким минус пятнадцать процентов, а ты меня спрашиваешь, откуда у меня доллары. Да пошел ты на х... со своими вопросами, понял?

Тяжелое молчание разорвал телефонный звонок. Следователь снял трубку:

– Борисенко...

– Пан Борисенко, поднимитесь к начальнику следчасти...

Следователь осторожно положил трубку на рычаг. Нажал кнопку электрического звонка, вошел конвой.

– Я наверх. Посмотрите пока.

– Есть.

– Саш...

...

– Закурить оставь, а? По старой памяти.

Следователь достал пачку «Дойны» и бросил на колени генералу...

Вернулся следователь меньше чем через два часа. Ничего не говоря, прошел на свое место, бросил конвою:

– Свободны.

¹² Уголовники на профессиональном сленге. Такое название обусловлено обильными татуировками, которые, как известно, синего цвета.

– Нам ждать, пан следователь? – осведомился старший конвоя.

– Нет.

Старший конвоя пожал плечами, конвоиры удалились.

Генерал аккуратно положил пачку на стол, толкнул по направлению к следователю. Следователь так же молча взял ее и сунул в карман пиджака.

– Ты напрасно огрызаешься, Саш, – наконец сказал генерал. – Вот думаешь, что я такая коррумпированная гнида, сейчас тебя переехала вдоль и поперек. Ошибаешься, Саш. Это система. Против которой не попрешь. Уйди я – придет другой, и будет то же самое. Или беспредел под самую крышу будет. Я, по крайней мере, дело делаю, не веришь – посмотри статистику. Придет какой-нибудь молодой и честный – через полгода тут такая буча будет... кровавыми слезами наплачетесь...

Слово «честный» генерал произнес с отвращением.

– Вы свободны, пан генерал.

– Как знаешь, Саш. Только я тебе сейчас говорю – на дыбы не вставай. А лучше – иди ко мне. Со мной не пропадешь, а мне люди, которым верить можно, во как нужны, – генерал провел ребром ладони по горлу. – И вроде москалей нет, а вокруг одна погань, так и норовят нож в спину воткнуть. Я тебя с Майдана знаю, да и не гнилой ты. Место тебе подберу. Такое, что от государства квартиры ждать не будешь. И квартиру себе купишь, и тачку, и все дела...

Следователь молчал.

– Позвонить от тебя можно? Пешком не хочу идти.

Следак передвинул аппарат.

– Через девятку.

– Ага, дякую.

Генерал набрал номер, отдал распоряжение, чтобы его забрали.

– Щас приедут. Они тут рядом стояли. Тебя подвезти?

– Нет, спасибо.

– Ну, как знаешь. А ты все же подумай над моим предложением. Против силы не стоит переть, Саш. Никто это не оценит. Да... деньги когда вернете?

– Получите в установленном законом порядке.

– Ну, как знаешь, – генерал поднялся. – Бывай.

Через несколько минут бронированный, с подсвеченными изнутри стеклами «Мерседес» плавно отчалил от тротуара и растворился в сгущающихся киевских сумерках. Следователь, стоя у окна, увидел, как он мелькнул в пролете между домами – и исчез...

На следующий день следователь зашел на работу только на полчаса. Дело еще было открыто, он, как процессуально-самостоятельная фигура, имел право делать что угодно. И потому наполнил большую спортивную сумку камуфляжного цвета, которую можно носить как рюкзак, – с ней он прошел все АТО, – и положил ее в багажник старенького «Фольксвагена», который у него тоже был со времен АТО. Никто не остановил его, и никто не задал ему ни одного вопроса.

Уже направляясь в центр Киева, он набрал номер. Ответили сразу.

– Аллю.

– Это я, – сказал следователь.

– Ага, – генерал был явно в хорошем настроении, – надумал?

– Да. Сейчас можно к тебе подскочить?

– Сейчас... ладно, давай сейчас. В главное здание. У меня тут делегация... немного подождешь, ничего?

– Ничего.

- Тогда давай, подъезжай, роевой...
- Вниз кого пошли встретить.
- Зачем?
- Подарок у меня для тебя.
- Генерал засмеялся:
- Умнеешь. Ладно, пошлю...

Министерство внутренних дел Украины находилось на улице Академика Богомольца, 10 в многоэтажном, построенном во времена великого министра внутренних дел СССР Щелокова здании. Раньше оно было огорожено красивой кованой чугунной решеткой, а на пропусках несли службу два милиционера. Теперь главное здание МВД было огорожено бетонным забором высотой не менее пяти метров, с камерами и сплинкерами поверху для распыления раздражающего газа, а на входе стоял БТР и нацгвардейцы, вооруженные автоматами. На крыше заняли позиции снайперы, через каждые пять метров на заборе через трафарет было нанесено краской.

Увага! Зупинятися або повільно їхати заборонено! Паркуватися заборонено!

Все изменилось в этом здании с тех пор, как оно было построено. Неизменным оставался лишь памятник Жеглову и Шарапову, поставленный здесь в иные, куда лучшие, времена. Его хотели сносить... то ли в рамках демократизации МВС, то ли в рамках общей кампании по борьбе с коммунистическим наследием... сама власть сносить не собиралась, не осмеливалась, но власти и не надо было, достаточно было шепнуть кое-кому: «можно». Как ни странно, памятник спасли уголовники. Киевские авторитеты доходчиво объяснили всем сведомым и политически активным, что и с кем произойдет, если памятник вдруг «упадет». Аргументы оказались доходчивыми: памятник стоял до сих пор, и стражи порядка тех, давних, времен с грустью и осуждением смотрели на правоохрановцев новых, ведущих себя как... фашисты на оккупированной территории...

Так что памятник стоял – пусть власти его от греха подальше и огородили высоким забором...

На въезде в очередь стояли машины. Когда дошла очередь до него, следователь предъявил права, к ним – резинкой, с обратной стороны – была прицеплена карточка ветерана АТО. Так делали многие ветераны, потому что даишники¹³ лучше относились в таком случае и могли ограничиться предупреждением вместо штрафа. Проверяющий документы лейтенант улыбнулся, увидев карточку.

- К кому?
- Борисенко, к замминистра Квачу.
- Лейтенант быстро проверил по планшету:
- Вас нет в списках.
- Мы только что договорились. Могли не включить.
- Лейтенант быстро осмотрел салон, отступил в сторону:
- Багажник покажите.

Следователь вышел, немного прихрамывая, прошел к багажнику, открыл его. Там ничего не было, кроме большой сумки. Лейтенант показал на нее:

- Что в сумке, откройте.

Следователь вжикнул застежкой молнии. В сумке плотно лежали пачки долларов. Очень много.

¹³ Державная автоинспекция.

– Хорошо, можете проезжать, пан Борисенко.

В сухом голосе лейтенанта прозвучало тщательно скрываемое презрение.

Следователь проехал дальше, припарковался в тесном дворе, рядом с огромным светло-серым «Субурбаном». На борту машины вяло колыхался американский флажок.

Он достал из багажника сумку, надел ее за плечи как рюкзак, поковылял ко входу.

После того как он прошел к основному зданию, к нему сразу устремилась и охрана, и молодой человек в аккуратной отглаженной новой серой форме.

– Прошу прощения, ваши документы.

Молодой человек оттеснил безопасников:

– К замминистра.

– Пан майор, сработка.

Молодой майор посмотрел на безопасников как на пустое место. Те молча отступили, знали, с кем в этом здании связываться не стоит. А то отправят служить на Донбасс или еще куда, где пулю в брюхо получить – плевое дело.

– В журнал записывать?

– Нет.

Они прошли через вертушки, следователь прошел с трудом из-за рюкзака. Опять сработка, но безопасник, только вскинувшийся, мгновенно сел на свое место под взглядом майора-порученца.

– Пан генерал сейчас занят, он примет вас, как только освободится.

– Добре. Туалет здесь где?

– В общий лучше не ходить. У нас на этаже отдельный есть.

Из туалета следователь вышел довольно быстро. Подмигнул порученцу.

– Пока пан генерал занят, можно в буфете на этаже посидеть.

– Нет, времени нет. Еще кто вперед проскочит. В приемной посижу.

– Хорошо.

Они прошли в приемную. Она была сразу на два кабинета, общая; на диване сидели двое; увидев огромный рюкзак, оба насторожились, один вскочил и преградил им путь. Как доберманы... сухие, поджарые, настороженные, в одинаковых костюмах-двойках и едва заметных микрофонах-наушниках.

– Что там? – спросил охранник, показывая на сумку.

– Вам какое дело? – грубо ответил майор-порученец.

– Мы должны проверить. Такая сумка представляет опасность.

– Это наше дело.

– Можете проверить, – сказал следователь.

Он поставил сумку на пол и расстегнул молнию. Охранник и майор уставились на плотные пачки долларов, запаянные в толстый полиэтилен, – упаковка, применяемая обычно при перевозке денег между банками.

Следователь выпрямился, а в руке его неизвестно откуда появился АПБ. Автоматический пистолет Стечкина с подготовкой под глушитель, который он снял в зоне АТО с одного из полевых командиров в окрестностях Донбасса. Пистолет был без глушителя, глушитель он заказал на него потом – нестандартный, очень короткий, титановый.

И стрелять из него он умел.

Охранник и майор-порученец, не успев ничего понять, рухнули на пол. Второй охранник прыгнул, выхватывая армейскую «Беретту», но следователь, повернувшись, достал его тремя пулями, и на пол он упал уже мертвым.

Подмигнув длинноногой секретарше, которая вскочила, от ужаса зажимая рот руками, следователь направился к двери, ведущей в кабинет замминистра – как и было положено для кабинетов служащих такого ранга, она была двойной. И вряд ли в кабинете слышали то, что произошло в приемной.

Когда он открывал дверь, по нервам резанул истошный женский визг.

Американец, несмотря на свой сегодняшний статус и возраст, начинал на улицах и до сих пор носил в карманной кобуре небольшой «Глок-26». Они с хозяином кабинета сидели в «гостевом уголке» в глубине кабинета – два пухлых кожаных кресла, журнальный столик, дымящиеся кружки с кофе. Поняв, что происходит что-то совсем неладное, американец с поразительной для его возраста ловкостью упал на колено, выхватывая пистолет: он до сих пор регулярно тренировался в Квантико и был опасным противником в перестрелке. Они выстрелили одновременно. Пуля следователя попала американцу в голову, и он упал, как мешок, пачкая кровью дорогой ковер. Следователь пошатнулся, но устоял. Закрыл за собой дверь и щелкнул замком.

Генерал остался сидеть в своем кресле.

– Дальше что? – спросил он.

– Я тебе бабки принес, – сказал следователь, – они там, в приемной лежат. Подарок.

– Дальше что? – повысил голос генерал. – Ну, завалишь ты меня, и дальше что? В лучшем случае придет такой же, как я. В худшем – придут колорады. Ты этого хочешь?

– Лучше под колорадами жить, – сказал следователь, – чем под такой мразью, как ты...

Его повело в сторону – все-таки ранение от пули американца, видимо, было серьезным. Но выстрелить он успел...

Опираясь на стену, следователь добрал до генеральского кресла за столом и рухнул в него. Достал из кармана гранату «РГД-5», выдернул чеку и зажал гранату в руке. Сдаваться живым он не собирался. Он не то чтобы боялся ответственности – просто он не хотел больше смотреть на то, во что превратилась его страна.

Кто-то тяжело, всем телом ударил в дверь. Дверь хрустнула, но устояла. Пока. Конечно же, вышибут... скоро вышибут.

Еще один удар. Освещение зловеще мерцало, мысли путались... ощущение было такое, как будто ты находишься в быстро взлетающем самолете.

Следователь оперся, как мог, о стол и направил «стечкин» на дверь...

Reuters

...

Заместитель директора ФБР убит в результате теракта в Киеве, сообщает Reuters. Украинский полицейский открыл огонь по представителям американских правоохранительных органов в здании Министерства внутренних дел Украины. В результате теракта также был убит первый заместитель министра внутренних дел Украины, погибли несколько сотрудников американских и украинских правоохранительных органов. По сообщению пресс-службы ФБР, миссия ФБР на Украину была направлена с целью организации совместного расследования убийства посла США на Украине Дэвида Уолшо Гастингса...

Где-то в Центральной России. 22 августа 2020 года

Приняли меня конкретно и просто. Буднично, так скажем. Было сразу понятно, что у тех, кто меня принимал, был в этом немалый жизненный опыт.

Я тоже снимал квартиру в Москве и, спускаясь вниз, столкнулся на лестнице с женщиной. Если бы я жил тут долго, я бы, наверное, знал, что она тут не живет и вообще неизвестно откуда взялась. Но я тут не жил и своих соседей практически не знал. Я посторонился, пропуская ее, сухо треснул разрядник – и больше я ничего не помнил. Просто скатился во тьму...

Пришел в себя я, когда мы куда-то ехали. То есть я лежал на полу со связанными руками и чем-то на голове – по крайней мере, видеть я точно не мог. Гул дороги и шум мотора подсказали мне, что мы куда-то едем. Я попытался перевернуться – меня немного попинали ногами, потом ногами же и зафиксировали. То есть поставили на меня ноги, чтобы я не дергался. И мы поехали дальше...

Точнее – меня повезли дальше...

В голове была какая-то пустота, как всегда бывает, когда получишь по башке или хороший удар током, растерянность – я уже понял, что меня приняли, и вы, я так полагаю, – тоже это поняли. Вопрос – кто меня принял?

В России существует несколько спецслужб, в том числе и тех, о которых никто не знает. Но главное противостояние идет между двумя. Министерство внутренних дел и Федеральная служба безопасности. Если я действующий сотрудник ФСБ, то можно предположить, что меня приняло именно МВД.

Вражда МВД и КГБ началась еще давно, когда нынешние участники этой грызни даже не пешком под стол ходили, а были лишь в проекте у своих мамы и папы. Два великих министра – Николай Анисимович Щелоков и Юрий Владимирович Андропов. Первый правил шестнадцать лет, второй – восемнадцать. Второй стал Генеральным секретарем, первый снес себе полголовы из ружья. Победив, Андропов принялся разрушать МВД, чтобы противостоящая КГБ структура, уже замахвающаяся на создание чего-то вроде международной милиции социалистических стран – Интермила, – больше никогда не поднялась на ноги. С тех пор в СССР началось стремительное развитие организованной преступности – одно время с ней действительно было почти что покончено.

МВД возродилось в девяностые. Во-первых, МВД имело прямой доступ к криминальным деньгам, а это серьезное подспорье. Во-вторых, по КГБ был нанесен страшный удар – его разделили на пять частей, забрали следствие. В-третьих, после начала чеченских событий значительно усилились Внутренние войска, и в каждом регионе страны окончательно были созданы милицейские подразделения специального назначения. Напомню, в 1991 году в России существовало всего два отряда ОМОН – в городах Москве и Санкт-Петербурге. Сейчас их – более ста пятидесяти с численностью бойцов свыше тридцати тысяч человек¹⁴.

Таким образом МВД стало серьезно претендовать на кусок ФСБ, в том числе и в вопросах борьбы с терроризмом. При Нургалиеве в структуре министерства создали засекреченный ситуационный центр, четвертый – после МО (У МО их, кстати, два: собственный и гэрэушный на Ходынском поле), ФСБ и МЧС. Это было уже серьезной заявкой – постройка такого центра означает, что у министерства появляется возможность вести собственную политику внутри страны. К ситуационному центру прилагается целая простыня штатного расписания с должностями аналитиков.

¹⁴ На 2012 год – 120 отрядов с численностью бойцов примерно 25 тысяч человек. Рост численности ОМОНов был связан с резким обострением обстановки с приграничных с Украиной регионах.

Пока я работал в Ростове, отношение полиции к происходящему было неоднозначным. Простые сотрудники, те же омовцы, с которыми иногда выбирались попить пива, собирали гуманитарку для беженцев, тренировали ополчение, несмотря на то что им за это регулярно попадало. Руководство относилось скорее негативно: их, кстати, можно понять – люди с оружием по-любому портят статистику.

Но неужели кто-то в МВД решил пойти на похищение сотрудника ФСБ? Может, они не знают, кто я такой?

В свое время убийство майора Мельниченко из секретариата Андропова – убийство пьяными ментами-лимитой на Ждановской – послужило началом полномасштабной аппаратной войны между ведомствами.

Сейчас менты отвоевали у ФСБ часть полномочий по антитеррору, особенно на Кавказе: КТО была официально окончена, а всякая шпана по горам по долам шлялась, надо было по ней работать – так у ментов появились очень опытные фронтовые агентурщики, способные работать не только по уголовникам, но и в зонах вооруженных конфликтов. Появился и опытный спецназ. А самое главное – часть полномочий по антитеррору на местах тоже передали им, создав внештатные группы оперов, покатавшихся по командировкам, а в особо угрожаемых регионах, таких как Кавказ или украинское приграничье и СОГ, специальные огневые группы – этикие мини-ОМОНЫ, внештатные боевые группы на уровне каждого РОВД, каждого ГУВД. Они вполне могли отслеживать меня еще с Ростова.

Или меня похитили местные фээсбэшники? А что – тоже могли. У нас как – сначала делают, потом думают. Могли просто не знать, кто я такой. Могли получить какую-то левую информацию. Могли... да много чего могли.

Третья версия – меня похитило СБУ.

СБУ – это Служба безопасности Украины. Вполне могли, а почему нет. Каким-то там соглашением, то ли секретным, то ли нет, спецслужбам вступивших в СНГ государств запрещалось шпионить за Россией. Но в Украине – как нам удалось выяснить – еще в две тысячи пятом году секретным указом Ющенко в штате ГУР было создано специальное управление Р, задача которого была действовать против России. Руководителем этого управления был назначен некий мутный тип – его я называть не буду, – но с огромными связями еще с Афгана, где он начинал. Связи у него были в России, но еще более опасные личные контакты у него были в КГБ Беларуси, он там мог буквально ногой дверь открывать, имел выход на Батьку «через одного», то есть всего с одним посредником. Вообще... если брать происходящее сейчас... то позиция Батьки в этом конфликте как минимум двусмысленная. С одной стороны, я не сомневаюсь в том, что большинство белорусов за нас, и всякие фашистские наломы на жизнь им и на фиг не нужны. С другой стороны, Беларусь сейчас как проходной двор. По всей стране открылось полно казино и развлекательных центров, играть приезжают как наши, так и натовцы. Западная граница как решето, через нее контрабанда не просто течет, а льется полноводной рекой. Всего за пару лет в Беларуси научились выращивать такую экзотику, как омары, а яблочные сады волшебным образом увеличились раза в три. Разговаривали с Батькой на эту тему жестко, вплоть до угрозы закрыть границу с нашей стороны, но угрозы никогда не выполнялись. А у Мудрого Викинга были контакты в белорусском КГБ – и как-то он поведал мне под большим секретом, что уже несколько лет в белорусской спецслужбе и армии идут чистки однозначно пророссийских кадров, а на самом верху вокруг Батьки обосновались и находятся в фаворе очень мутные кадры с самыми разнообразными связями за кордоном. И Батька не может этого не понимать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.